

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
22 декабря 2025 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (2025)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности
и других вещных прав

1. В случае незаконного отказа органа местного самоуправления передать земельный участок в собственность гражданина, арендная плата с гражданина за этот участок не может быть взыскана в размере большем чем подлежавший уплате земельный налог.

Комитет имущественных и земельных отношений администрации городского округа Подольск Московской области (далее – Комитет) обратился в суд с иском к Р. о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка от 29 июля 2022 г. за первый квартал 2023 года в размере 291 175 руб. и пени за период с 16 декабря 2022 г. по 21 марта 2023 г. в размере 1389 руб., ссылаясь на то, что ответчиком обязательство по внесению арендной платы по указанному договору аренды земельного участка исполняется ненадлежащим образом.

Помимо этого, Комитетом был подан иск к Р. о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка от 1 июля 2022 г. за первый квартал 2023 года в размере 462 000 руб. и пени за период с 16 декабря 2022 г. по 21 марта 2023 г. в размере 3488 руб., мотивированный ненадлежащим исполнением Р. обязанностей арендатора в части внесения платы за аренду земельного участка.

Определением суда указанные дела объединены в одно производство.

Разрешая спор и удовлетворяя иск по данному делу, суд первой инстанции исходил из наличия задолженности по арендной плате; расчет истцом суммы задолженности, а также пени признан правильным.

С указанными выводами согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Ссылку ответчика на решение суда от 10 мая 2023 г., которым удовлетворен его иск к Комитету о признании незаконными решений от 11 ноября 2022 г. и от 9 января 2023 г. об отказе в предоставлении в

собственность арендуемых им земельных участков без проведения торгов, суды отклонили, указав, что данное обстоятельство не может служить основанием для прекращения начисления арендной платы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Согласно пункту 1 статьи 39³ ЗК РФ продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется на торгах, проводимых в форме аукционов, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 этой статьи.

Пунктом 2 указанной статьи предусмотрено, что без проведения торгов осуществляется продажа земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных статьей 39²⁰ данного кодекса (подпункт 6).

Статьей 39²⁰ ЗК РФ предусмотрено исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду гражданами, юридическими лицами, являющимися собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках, если иное не установлено этой статьей кодекса или другим федеральным законом (пункт 1).

Положения указанной нормы права направлены на обеспечение реализации закрепленного в подпункте 5 пункта 1 статьи 1 названного кодекса принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, на защиту прав и законных интересов собственников зданий и сооружений.

Статьей 39³ ЗК РФ регламентирован порядок предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов.

Так, согласно пункту 5 статьи 39¹⁷ указанного кодекса в срок не более чем тридцать дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований, предусмотренных статьей 39¹⁶ данного кодекса и по результатам указанных рассмотрения и проверки совершает одно из следующих действий:

- 1) осуществляет подготовку проектов договора купли-продажи, договора аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования земельным участком в трех экземплярах и их подписание, а также направляет проекты указанных договоров для подписания заявителю, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ;

- 2) принимает решение о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ, и направляет принятое решение заявителю;

3) принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, предусмотренных статьями 39¹⁶ данного кодекса, и направляет принятое решение заявителю. В указанном решении должны быть указаны все основания отказа.

Из установленных судом обстоятельств и материалов дела следует, что решением суда от 10 мая 2023 г. удовлетворен иск Р. к Комитету о признании незаконными решений от 11 ноября 2022 г. и от 9 января 2023 г. об отказе в предоставлении в собственность арендуемых им земельных участков без проведения торгов.

На основании изложенного начисление арендной платы с момента нарушения Комитетом права ответчика на выкуп арендуемого земельного участка является неправомерным.

В противном случае нарушение органом местного самоуправления права арендатора на приобретение земельного участка в собственность являлось бы для органа местного самоуправления более выгодным, чем его реализация.

При этом имеет значение сам факт незаконного отказа органа местного самоуправления в предоставлении земельного участка в собственность, а не дата вынесения решения суда и вступления его в законную силу.

Вместе с тем право на предоставление земельного участка в собственность не означает, что в случае его реализации пользование земельным участком являлось бы бесплатным.

В подпункте 7 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ установлен принцип платности использования земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Как следует из норм главы 31 части второй НК РФ, земельный налог относится к местным налогам, плательщиками которого в силу пункта 1 статьи 388 этого кодекса признаются организации и физические лица, обладающие земельными участками, признаваемыми объектом налогообложения в соответствии со статьей 389 данного кодекса, на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения, если иное не установлено этим пунктом.

Не признаются налогоплательщиками организации и физические лица в отношении земельных участков, находящихся у них на праве безвозмездного пользования, в том числе праве безвозмездного срочного пользования, или переданных им по договору аренды (пункт 2 статьи 388 НК РФ).

Арендная плата за земельный участок, находящийся в публичной собственности, относится к неналоговым доходам и подлежит взысканию в соответствующий бюджет (статьи 57 и 62 БК РФ).

Поскольку получатель арендной платы и земельного налога в данном случае совпадают, то при нарушении органом местного самоуправления

права гражданина на получение арендуемого участка в собственность арендная плата не подлежит взысканию в части, превышающей размер земельного налога, подлежавшего уплате, если бы это право не было нарушено.

Приведенные выше положения закона судом первой инстанции не были приняты во внимание, и арендная плата взыскана в полном объеме без учета нарушения истцом права ответчика на получение земельного участка в собственность.

Суды апелляционной и кассационной инстанций ошибки суда первой инстанции не исправили.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ24-146-К2

2. Реализация членом садоводческого товарищества права на бесплатное приобретение в собственность выделенного ему земельного участка не может быть поставлена в зависимость от бездействия садоводческого товарищества по регистрации факта своего создания.

К. обратился в суд с иском к департаменту городского имущества о признании права собственности на земельный участок, ссылаясь на то, что является членом садоводческого некоммерческого товарищества (далее – СНТ, товарищество) и в его владение и пользование по решению общего собрания СНТ, оформленному протоколом от 10 октября 2014 г., выделен земельный участок. Желая приобрести данный земельный участок в собственность бесплатно без проведения торгов по основаниям, предусмотренным пунктом 2⁷ статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 137-ФЗ), он обратился к ответчику с соответствующим заявлением, однако получил отказ со ссылкой на то, что спорный земельный участок образован из земельного участка, право бессрочного пользования на который зарегистрировано за СНТ после вступления названного федерального закона в силу, вследствие чего нормы этого закона на него не распространяются. Истец указал, что земельный участок, на котором расположено СНТ, был предоставлен для ведения садоводства сотрудникам завода в 1982 году. Само товарищество фактически образовано во время предоставления заводу земельного участка, и из протокола учредительного собрания от 18 мая 2008 г. следует, что члены товарищества посчитали необходимым придать юридическую форму фактически существующему в течение 20 лет сообществу садоводов-огородников.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что СНТ создано на основе фактически существующего сообщества садоводов-огородников, и признал, что принадлежащий СНТ земельный участок был предоставлен до даты вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ на основании распоряжения горисполкома от 19 марта 1982 г. и распоряжения исполкома районного Совета народных депутатов от 1 октября 1982 г., что при наличии прочих указанных в пункте 2⁷ статьи 3 названного федерального закона условий является основанием для предоставления бесплатно без проведения торгов в собственность истцу спорного земельного участка, переданного ему в пользование, в пределах территории товарищества.

Отклоняя доводы стороны ответчика о том, что у СНТ право на ведение садоводства на земельном участке возникло на основании вступившего в законную силу решения суда от 18 сентября 2013 г. (по делу о признании за СНТ права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком) и на момент вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ СНТ еще не было образовано, а истец не являлся его членом, суд первой инстанции посчитал их противоречащими пункту 2⁷ статьи 3 названного выше федерального закона, согласно которому для приобретения земельного участка в собственность бесплатно без проведения торгов необходимо, чтобы он был образован из земельного участка, предоставленного до даты вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ объединению либо иной организации, при которой было создано или организовано указанное объединение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на то, что СНТ создано в 2008 году, при этом доказательств, подтверждающих правовую связь СНТ с заводом, которому был предоставлен исходный земельный участок в 1982–1983 годах, не представлено. Поскольку связь СНТ с заводом не установлена, то отсутствует и одно из условий предоставления земельного участка в собственность бесплатно, а именно – земельный участок должен быть образован из земельного участка, предоставленного до дня вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ некоммерческой организации либо иной организации, при которой была создана или организована такая некоммерческая организация.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, как вынесенные с нарушением норм права, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Федерального закона № 137-ФЗ (в редакции, действовавшей на дату обращения К. с заявлением

в департамент городского имущества о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно) до 1 марта 2022 г. члены некоммерческих организаций, созданных до 1 января 2019 г. для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства, и члены садоводческих или огороднических некоммерческих товариществ, созданных путем реорганизации таких некоммерческих организаций, имеют право независимо от даты вступления в члены указанных некоммерческих организаций приобрести земельный участок, предназначенный для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства, без проведения торгов в собственность бесплатно, если такой земельный участок соответствует в совокупности следующим условиям:

- земельный участок образован из земельного участка, предоставленного до дня вступления в силу указанного федерального закона для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства некоммерческой организации, указанной в абзаце первом этого пункта, либо иной организации, при которой была создана или организована такая некоммерческая организация;

- по решению общего собрания членов указанной некоммерческой организации о распределении земельных участков между членами указанной некоммерческой организации либо на основании другого документа, устанавливающего распределение земельных участков в указанной некоммерческой организации, земельный участок распределен данному члену указанной некоммерческой организации;

- земельный участок не является изъятим из оборота, ограниченным в обороте и в отношении земельного участка не принято решение о резервировании для государственных или муниципальных нужд.

В случае, предусмотренном пунктом 2⁷ статьи 3 Федерального закона № 137-ФЗ, предоставление земельного участка гражданину в собственность или в аренду осуществляется на основании решения исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, предусмотренных статьями 39² ЗК РФ, на основании заявления гражданина или его представителя (пункт 2⁸ статьи 3 Федерального закона № 137-ФЗ).

Как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, приведенные положения закона судебными инстанциями к спорным отношениям применены неправильно, так как закрепленный за истцом спорный земельный участок полностью соответствует условиям, установленным в пункте 2 статьи 3 Федерального закона № 137-ФЗ, при наличии которых реализуется право на приобретение земельного участка в собственность бесплатно.

Как видно из материалов дела, вступившим в законную силу решением районного суда от 18 сентября 2013 г. установлено, что земельный участок, на котором расположено СНТ, был предоставлен для ведения огородничества рабочим и служащим завода до дня вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ и что впоследствии данными гражданами

было образовано СНТ. При этом само товарищество фактически существовало со времени предоставления указанного земельного участка.

Иные выводы о времени предоставления земельного участка, на котором расположено СНТ, а также выводы об отсутствии доказательств, подтверждающих правовую связь СНТ с заводом, которому был предоставлен исходный земельный участок в 1982 году, сделаны судом апелляционной инстанции с нарушением правил части 2 статьи 61 ГПК РФ.

Определение № 41-КГ24-49-К4

3. Законом допускается раздел жилого дома с образованием объектов блокированной застройки при соблюдении требований градостроительного и земельного законодательства.

В. обратилась в суд с иском к В.З. о прекращении права общей долевой собственности на объект недвижимости, об исключении записи из ЕГРН, о признании права собственности на жилой дом блокированной застройки.

В обоснование иска указано, что В. является собственником 16/70 долей в праве собственности на спорный жилой дом. Право собственности на долю в этом доме возникло у Ю. (наследодателя В.) в результате раздела совместно нажитого имущества супругов на основании решения суда от 28 марта 1975 г., которым за Ю. признано право собственности на 16/70 долей в праве на домовладение и по которому ей выделены в натуре в пользование, владение и распоряжение жилого дома с прилегающей к ней верандой и коридором, а также надворные постройки и фруктовые деревья. Данное решение суда юридически не исполнено, поскольку дом состоит на кадастровом учете как объект недвижимости с несколькими собственниками. Ответчику принадлежат 1/2 доля и 19/70 долей в праве собственности на дом. Фактически спорный одноэтажный дом разделен на две части с отдельными входами. Каждая часть дома отвечает признакам жилого дома блокированной застройки, имеет отдельное отопление (индивидуальные газовые котлы), водоснабжение и канализацию. Истец полагала возможным осуществить раздел земельного участка, расположенного под домом, который находится в ведении администрации городского округа. Ответчик без ее согласия заключила с администрацией городского округа договор аренды в отношении всего земельного участка, тогда как решением суда от 5 февраля 2009 г. был определен порядок пользования земельным участком. К соглашению о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом стороны не пришли, ответчик от оформления документов на основании ранее вынесенного решения суда отказывается, по месту нахождения имущества не проживает, от получения почтовой корреспонденции уклоняется. Истец просила прекратить право общей долевой собственности между сторонами на жилой дом, исключить из ЕГРН (аннулировать) записи о кадастровом учете и регистрации права общей долевой собственности на

дом, признать жилой дом домом блокированной застройки; признать право собственности В. на жилой блок дома блокированной застройки.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения решение суда первой инстанции и апелляционное определение.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, признала их вынесенными с существенным нарушением норм права, указав следующее.

С 1 марта 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 476-ФЗ), которым среди прочего внесены изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ).

Статья 1 ГрК РФ дополнена пунктом 40, в котором определено, что дом блокированной застройки – жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок.

Согласно пункту 2 части 2 статьи 49 ГрК РФ экспертиза не проводится в отношении проектной документации дома блокированной застройки в случае, если количество этажей в таких домах не превышает трех, при этом количество всех домов блокированной застройки в одном ряду не превышает десяти и их строительство или реконструкция осуществляется без привлечения средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В результате внесенных в ГрК РФ изменений из указанной нормы среди прочего исключены требования по размещению жилого дома (блока) на отдельном земельном участке.

В соответствии с частью 1 статьи 16 Федерального закона № 476-ФЗ блок, указанный в пункте 2 части 2 статьи 49 ГрК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу названного федерального закона), соответствующий признакам, указанным в пункте 40 статьи 1 ГрК РФ, со дня вступления в силу этого федерального закона признается домом блокированной застройки независимо от того, является ли данный блок зданием или помещением в здании.

Частью 3 статьи 16 Федерального закона № 476-ФЗ предусмотрено, что в случае, если до дня вступления в силу данного федерального закона в ЕГРН были внесены сведения о блоках (независимо от их наименования или вида разрешенного использования) в качестве жилых помещений в жилых домах блокированной жилой застройки, указанных в пункте 2 части 2 статьи 49 ГрК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу названного федерального закона), и зарегистрированы права на такие блоки, собственники указанных блоков вправе совместным решением уполномочить

одного из собственников таких блоков на обращение от имени всех собственников блоков в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав, ведение ЕГРН и предоставление сведений, содержащихся в ЕГРН, с заявлением об учете изменений сведений ЕГРН в части приведения вида, назначения и вида разрешенного использования объекта недвижимости в соответствие с требованиями законодательных актов Российской Федерации, измененных данным федеральным законом. Отсутствие в градостроительном регламенте, утвержденном применительно к территориальной зоне, в границах которой расположены такие объекты, указания на соответствующий вид объекта недвижимости и вид его разрешенного использования, а также утвержденных параметров разрешенного строительства таких объектов не является препятствием для внесения в ЕГРН указанных сведений.

Таким образом, с 1 марта 2022 г. в законодательство, устанавливающее правовой режим домов блокированной застройки, внесены изменения, в том числе дано определение дома блокированной застройки, исключены требования об образовании самостоятельного земельного участка под каждым домом блокированной застройки. Собственник каждого блока после государственной регистрации права на такой блок вправе обеспечить образование необходимого земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, занятого и необходимого для эксплуатации принадлежащего ему блока.

В то же время нижестоящие судебные инстанции указанные выше нормы закона с учетом изменений, внесенных Федеральным законом № 476-ФЗ, не применили.

Приказом Минстроя России от 17 мая 2023 г. № 350-пр внесены изменения в термины, данные в пунктах 3.1–3.3 СП 55.13330.2016. Свод правил. Дома жилые многоквартирные. СНиП 31-02-2001, утвержденного и введенного в действие приказом Минстроя России от 20 октября 2016 г. № 725/пр. Согласно пункту 3.1 данного свода правил (в редакции, действующей с 18 июня 2023 г.) домом блокированной застройки жилым индивидуальным (блокированным жилым домом) признается индивидуальный жилой дом, блокированный с другим индивидуальным жилым домом (другими индивидуальными жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок.

Кроме того, судами не было принято во внимание, что вступившим в законную силу решением суда от 28 марта 1975 г. произведен выдел принадлежащей Ю. (наследодателю В.) доли в жилом доме в натуре, однако ответчиком осуществлена постанова на учет спорного домовладения как единого объекта без учета состоявшегося решения суда, обязательного для исполнения.

Выводы, содержащиеся в заключении кадастрового инженера от 30 июня 2022 г., о том, что спорный дом состоит из самостоятельных частей, отвечает признакам блокированной застройки, имеет самостоятельные выходы на земельный участок и длительное время эксплуатируется сторонами как дом блокированной застройки, не опровергнуты.

Вопрос о проведении по делу судебной строительно-технической экспертизы в соответствии с частью 1 статьи 79 ГПК РФ на обсуждение сторон в ходе рассмотрения данного спора судами первой и апелляционной инстанций не ставился, в связи с этим вывод судебных инстанций о том, что жилой дом признакам блокированной застройки не отвечает, правомерным признан быть не может, поскольку иными доказательствами не подтвержден и не основан на установленных обстоятельствах по делу.

С учетом того, что судебными инстанциями при рассмотрении исковых требований В. не применены нормы материального права, подлежащие применению к спорным отношениям, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 16-КГ24-1-К4

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

4. Если к моменту рассмотрения судом вопроса о применении последствий недействительности соглашения о передаче прав и обязанностей по договору лизинга выкуп предмета лизинга уже состоялся, то какие-либо обязательства лизингополучателя перед лизингодателем по общему правилу не могут быть восстановлены.

Налоговый орган обратился в суд с иском к обществу (далее также – первоначальный лизингополучатель) и Л. (далее также – новый лизингополучатель) о признании недействительным заключенного между ответчиками договора от 1 октября 2021 г. о передаче прав и обязанностей лизингополучателя, возникших у первоначального лизингополучателя на основании договора лизинга от 29 декабря 2020 г., заключенного между ним и лизингодателем, предметом которого является транспортное средство, и о применении последствий недействительности ничтожной сделки путем возврата новым лизингополучателем первоначальному лизингополучателю транспортного средства.

Иск обоснован тем, что по результатам налоговой проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении первоначального лизингополучателя к ответственности за совершение налогового правонарушения. По состоянию на 16 мая 2023 г. первоначальный лизингополучатель имел отрицательное сальдо; имущество,

зарегистрированное за налогоплательщиком, отсутствовало. В период проведения налоговой проверки первоначальный лизингополучатель по договору от 1 октября 2021 г. передал права и обязанности лизингополучателя по названному договору лизинга Л., а по акту приема-передачи передал сам предмет лизинга. Между тем денежных средств от нового лизингополучателя первоначальному лизингополучателю не поступало. Налоговый орган полагал, что произошла безвозмездная передача прав и обязанностей по договору лизинга, сделка между первоначальным и новым лизингополучателем совершена с целью избежания обращения взыскания на имущество должника в счет уплаты доначисленных налогов, пени и штрафов.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, поскольку не установил недобросовестности в действиях ответчиков, а также оснований мнимости сделки.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что стороны злоупотребили правом, оспариваемый договор совершен с целью сокрытия имущества от взыскания в счет исполнения налоговых обязательств.

Признавая недействительным договор от 1 октября 2021 г., заключенный между первоначальным и новым лизингополучателем, суд апелляционной инстанции применил одностороннюю реституцию и постановил возвратить транспортное средство первоначальному лизингополучателю.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно пункту 3 статьи 166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо. Требование о признании недействительной ничтожной сделки независимо от применения последствий ее недействительности может быть удовлетворено, если лицо, предъявляющее такое требование, имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной.

В абзаце втором пункта 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что исходя из системного толкования пункта 1 статьи 1, пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его

защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

В связи с указанным при разрешении спора о применении последствий недействительности сделки необходимо установить наличие у налоговых органов иных способов взыскания недоимки, в том числе при отсутствии возможности проведения процедуры несостоятельности должника.

Налоговый орган, предъявляя требование о передаче (возврате) транспортного средства первоначальному лизингополучателю в порядке применения последствий недействительности договора, указывал, что при сохранении за обществом договорного статуса лизингополучателя в отношениях с лизингодателем именно к нему должно было перейти право собственности на предмет лизинга при условии уплаты всех платежей по договору.

Между тем в соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Правила о неосновательном обогащении подлежат субсидиарному применению к требованиям о возврате всего полученного по сделке (статья 1103 ГК РФ).

Таким образом, при применении последствий недействительности сделки необходимо определить реституционное обязательство между первоначальным и новым лизингополучателем.

Из имеющихся в деле доказательств следует, что между первоначальным и новым лизингополучателем заключен договор от 1 октября 2021 г. о передаче прав и обязанностей лизингополучателя, в пункте 2.7 которого предусмотрено, что получено согласие лизингодателя на перевод долга; в рамках другого соглашения от 1 октября 2021 г. общество уступает Л. право выкупа предмета лизинга по цене 165 611 руб., стоимость уступаемого права определена в размере 1 215 000 руб. (рыночная стоимость автомобиля).

При признании недействительным договора суду апелляционной инстанции необходимо было учесть, что договор лизинга прекращен, поскольку осуществлен выкуп имущества новым лизингополучателем, вследствие чего в порядке последствий недействительности сделки Л. может быть обязана передать обществу предмет лизинга, а также выплатить доход от имущества за вычетом расходов на его содержание.

При невозможности возврата имущества новый лизингополучатель в рамках последствий недействительности сделки обязан будет возместить убытки.

Одновременно в случае установления факта исполнения Л. обязательств по внесению платежей по договору лизинга, уплаченные ею в пользу лизингополучателя суммы должны быть взысканы с первоначального лизингополучателя, поскольку они представляют собой неосновательное обогащение последнего в виде сбереженных денежных средств.

Суд апелляционной инстанции, признав недействительным договор, фактически восстановил общество в качестве лизингополучателя по договору лизинга от 29 декабря 2020 г., при этом не учел, что выкуп предмета лизинга к моменту рассмотрения вопроса о последствиях недействительности сделки уже состоялся, а следовательно, какие-либо обязательства перед лизингодателем не могут быть восстановлены, в том числе и относительно надлежащего лизингополучателя.

Согласно абзацу второму части 3 статьи 40 ГПК РФ в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе. После привлечения соответчика или соответчиков подготовка и рассмотрение дела производятся с самого начала.

При рассмотрении иска о признании недействительным договора уступки в качестве ответчиков привлекаются участники сделки, при этом, поскольку правовые последствия ничтожности сделки могут определить надлежащего лизингополучателя, суду следовало привлечь лизингодателя, который давал согласие на перемену лиц в лизинговых отношениях.

Кроме того, суду следовало учитывать, что 18 октября 2021 г. между лизингодателем и новым лизингополучателем был заключен еще и договор купли-продажи этого же транспортного средства.

Между тем, правовой оценки этому договору судами апелляционной и кассационной инстанций не дано.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции, а дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 16-КГ24-39-К4

5. Срок исковой давности по требованию о взыскании долга по договору займа следует исчислять с учетом согласованного сторонами условия договора о его автоматической пролонгации.

М. обратился в суд с иском к И. о взыскании денежных средств по договору займа, указав, что 1 января 2018 г. между ним и супругами И. и И.А. был заключен договор займа на сумму 900 000 руб. со сроком возврата до 1 июля 2018 г. и с уплатой процентов за пользование займом в размере 2% ежемесячно.

М. обязательства по договору займа исполнил надлежащим образом, передав денежные средства; поскольку ответчиками надлежащим образом обязательства по договору займа не исполнены, учитывая, что И.А. признан банкротом, истец просил взыскать с И. 450 000 руб.

Судом установлено, что 1 января 2018 г. между М. (заимодавец) с одной стороны и И. и И.А. (заемщики) с другой стороны заключен договор займа, по условиям которого М. передал И. и И.А. 900 000 руб. на срок до 1 июля 2018 г.

Договором займа предусмотрено, что за пользование займом заемщики ежемесячно выплачивают заимодавцу вознаграждение в размере 2 % от суммы займа (пункт 1.1). Согласно пункту 7.2 договора в случае, если к моменту окончания срока действия договора ни одна из сторон не уведомила другую сторону о расторжении договора, договор считается пролонгированным на прежних условиях на аналогичный срок.

Ответчик не отрицала, что получила денежные средства.

Вместе с тем обязанность по возврату займа и уплате процентов ответчиком не исполнена.

28 июля 2020 г. И.А. обратился в суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом).

Решением арбитражного суда от 2 сентября 2020 г. И.А. признан несостоятельным (банкротом), в реестр кредиторов включен М. по требованию в размере 2 462 000 руб. по договорам займа от 1 и 11 августа 2017 г.

18 августа 2021 г. завершена процедура реализации имущества должника и И.А. освобожден от дальнейшего исполнения имеющихся на дату обращения в суд с заявлением о банкротстве должника требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении процедуры банкротства.

4 июля 2023 г. М. обратился с данным иском к солидарному должнику – И. о взыскании части суммы займа в размере 450 000 руб.

Ответчиком заявлено о применении исковой давности.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу, что М. предъявлен иск за пределами срока исковой давности, поскольку истцу стало известно о нарушении его права 2 июля 2018 г. С выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с принятыми судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

В силу пункта 2 статьи 808 ГК РФ в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему заимодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей.

Заемщик обязан возвратить заимодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа (пункт 1 статьи 810 указанного кодекса).

Пунктом 1 статьи 322 ГК РФ предусмотрено, что солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

Статьей 323 данного кодекса предусмотрено, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (пункт 1).

Кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников. Солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью (пункт 2).

В пункте 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» разъясняется, что согласно пункту 1 статьи 323 ГК РФ кредитор вправе предъявить иск о полном взыскании долга к любому из солидарных должников.

В соответствии со статьей 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения (пункты 1, 2).

Делая вывод о пропуске истцом срока исковой давности по заявленным требованиям, суд не дал оценки договору займа в соответствии со статьей 431 ГК РФ, в частности пункту 7.2 данного договора, согласно которому в случае, если к моменту окончания срока действия договора ни одна из сторон не уведомила другую сторону о расторжении договора, договор считается пролонгированным на прежних условиях на аналогичный срок.

Как указывал истец, договор займа по умолчанию сторон пролонгировался на новые сроки, заемщики продолжали исполнять

обязательства по договору после 1 июля 2018 г. путем выплаты процентов, последняя выплата произведена 3 июля 2020 г.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 16-КГ24-36-К4

6. Обязанность поручителя возместить судебные издержки кредитора по взысканию долга с основного должника, если эти издержки не возмещены самим должником, не ставится в зависимость от того, были ли они понесены в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде, при предъявлении первоначального либо встречного иска.

Т. обратился в суд с иском к Б. о взыскании долга по договору поручительства, ссылаясь на то, что решением арбитражного суда от 16 ноября 2021 г. с общества, за которое поручился Б., в пользу истца взыскан долг по договору об оказании юридической помощи от 31 августа 2018 г. и судебные расходы, однако решение арбитражного суда не исполнено, поскольку данное общество признано несостоятельным (банкротом).

Решением суда первой инстанции в иске отказано.

Судом апелляционной инстанции, с которым согласился кассационный суд общей юрисдикции инстанции, решение отменено, по делу принято новое решение о частичном удовлетворении требований. Отказывая в удовлетворении требований о взыскании судебных расходов, понесенных Т. при предъявлении иска к обществу, и процентов на них, суд исходил из того, что эти расходы понесены по делу, рассмотренному арбитражным судом. Кроме того, в деле, рассмотренном арбитражным судом, иск Т. к обществу являлся встречным по отношению к иску общества к самому Т. о взыскании неосновательного обогащения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении иска о взыскании судебных расходов как вынесенные с нарушением норм права и направляя дело на новое апелляционное определение, указала следующее.

Из материалов дела следует, что решением арбитражного суда от 16 ноября 2021 г. удовлетворены требования Т. к обществу о взыскании долга по делу об оказании юридических услуг, при этом с общества в пользу Т. взысканы почтовые расходы в размере 2070,30 руб. и расходы на уплату государственной пошлины – 15 914 руб.

В удовлетворении иска общества к Т. арбитражным судом отказано.

Определением арбитражного суда от 8 сентября 2022 г. по этому же делу с общества в пользу Т. взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя в размере 240 000 руб.

Таким образом, Т., являясь кредитором по отношению к обществу, просил взыскать с Б. как поручителя должника судебные расходы, понесенные Т. при взыскании долга с самого общества.

Согласно пункту 1 статьи 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

В соответствии с пунктом 1 статьи 361 данного кодекса по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и неденежных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем.

В силу положений статьи 363 ГК РФ при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя (пункт 1).

Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства (пункт 2).

Статьей 323 ГК РФ предусмотрено, что кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников (пункт 2).

Таким образом, в силу прямого указания закона поручитель отвечает за возмещение судебных издержек, понесенных кредитором при взыскании долга с основного должника, если названные издержки не возмещены самим должником.

При этом обязанность поручителя возместить судебные издержки кредитора по взысканию долга с основного должника положениями пункта 2 статьи 363 ГК РФ не ставится в зависимость от того, были ли они понесены в связи с рассмотрением дела в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде, при предъявлении первоначального либо встречного иска.

Суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении иска в части взыскания судебных расходов, приведенные нормы права не учел. Кассационный суд общей юрисдикции ошибки суда апелляционной инстанции не исправил.

Определение № 5-КГ24-132-К2

Защита права на благоприятную окружающую среду

7. Действующим законодательством запрещается использование находящихся в собственности муниципальных образований земельных участков, не обладающих статусом объекта размещения отходов производства и потребления, для осуществления сбора и накопления таких отходов.

Прокурор обратился в суд с иском к городскому поселению, муниципальному унитарному предприятию городского поселения (далее – МУП), в обоснование которого указал, что МУП осуществляет деятельность по сбору и размещению отходов производства и потребления I–V классов опасности на арендуемом земельном участке, принадлежащем на праве собственности городскому поселению, не обладающем статусом объекта размещения отходов, а также в отсутствие лицензии в области обращения с отходами и без установления санитарно-защитной зоны. При этом ответчики не принимают мер по проведению рекультивации указанного земельного участка, что приводит к ухудшению качества земель. Нарушение природоохранного законодательства, законодательства об отходах производства и потребления, законодательства об охране окружающей среды влечет за собой нарушение прав граждан на благоприятную окружающую среду и обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности.

Удовлетворяя требования прокурора, суд первой инстанции исходил из того, что спорный земельный участок в силу места его расположения и вида разрешенного использования, а также в отсутствие специально оборудованного сооружения, предназначенного для размещения отходов, и внесенного в государственный реестр объектов размещения отходов проекта строительства, рекультивации не может использоваться для утилизации или захоронения отходов производства и потребления.

При этом суд учел, что МУП отказано во включении земельного участка в перечень объектов размещения твердых коммунальных отходов по причине отсутствия возможности минимизации воздействия на окружающую среду и решений, которые должны были быть предусмотрены в проекте строительства свалки, а также нахождения объекта в границах городского поселения.

Кроме того, установлено, что МУП в отсутствие соответствующей лицензии осуществляло сбор и размещение отходов производства и потребления различных классов опасности, твердых бытовых отходов, что повлекло нарушение прав граждан на благоприятную окружающую среду, благоприятные условия жизнедеятельности.

С выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные постановления вынесены в соответствии с требованиями закона.

Предназначение местного самоуправления, приоритетом которого выступает решение социально-экономических задач в пределах муниципального образования как территории совместной жизнедеятельности населения, определяется вместе с тем целями наиболее эффективной реализации вытекающих из Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (включая право на охрану здоровья и на благоприятную окружающую среду, являющуюся одним из важнейших условий обеспечения достойной жизни и свободного развития человека), а также по использованию и охране земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (статьи 2, 7, 9, 41 и 42 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с пунктом 18 части 1 статьи 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского поселения относится участие в организации деятельности по накоплению (в том числе раздельному) и транспортированию твердых коммунальных отходов на территории городского поселения.

Согласно статье 51 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» отходы производства и потребления, радиоактивные отходы подлежат сбору, накоплению, утилизации, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для окружающей среды и регулироваться законодательством Российской Федерации (пункт 1).

Запрещается сброс отходов производства и потребления, в том числе радиоактивных отходов, в поверхностные и подземные водные объекты, на водосборные площади, в недра и на почву, размещение отходов I–IV классов опасности на территориях, прилегающих к городским и сельским поселениям, в лесопарковых, курортных, лечебно-оздоровительных, рекреационных зонах, на путях миграции животных, вблизи нерестилищ и в иных местах, в которых может быть создана опасность для окружающей среды, естественных экологических систем и здоровья человека (абзацы первый и второй пункта 2).

В силу пункта 1 статьи 22 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» отходы производства и потребления подлежат сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению, условия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания и которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Правовые основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья определены Федеральным законом от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Закон об отходах производства и потребления).

Согласно пункту 1 статьи 3 Закона об отходах производства и потребления к основным принципам государственной политики в области обращения с отходами относятся охрана здоровья человека, поддержание или восстановление благоприятного состояния окружающей среды и сохранение биологического разнообразия.

В соответствии со статьей 1 названного закона под размещением отходов понимается хранение и захоронение отходов. Хранением отходов является складирование отходов в специализированных объектах сроком более чем одиннадцать месяцев в целях утилизации, обезвреживания, захоронения (абзацы пятый, шестой).

Объекты хранения отходов представляют собой специально оборудованные сооружения, которые обустроены в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды и законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и предназначены для долгосрочного складирования отходов в целях их последующих утилизации, обезвреживания, захоронения (абзац двадцать четвертый).

Согласно статье 12 Закона об отходах производства и потребления запрещается захоронение отходов в границах населенных пунктов (пункт 5).

Размещение отходов на объектах, не внесенных в государственный реестр объектов размещения отходов, запрещается (пункт 7).

В силу пункта 1 статьи 13 Закона об отходах производства и потребления территории муниципальных образований подлежат регулярной очистке от отходов в соответствии с экологическими, санитарными и иными требованиями.

Статьей 42 ЗК РФ предусмотрено, что собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны: использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту; осуществлять мероприятия по охране земель, лесов, водных объектов и других природных ресурсов, в том числе меры пожарной безопасности; соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов; не допускать загрязнение, истощение, деградацию, порчу, уничтожение земель и почв и иное негативное воздействие на земли и почвы.

Из разъяснений, изложенных в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», следует, что, если допущенные нарушения законодательства в области охраны окружающей среды носят неустранимый характер, суд вправе обязать ответчика прекратить соответствующую деятельность (например, при размещении отходов производства и потребления на объектах, не подлежащих внесению в государственный реестр объектов размещения отходов).

Рассматривая споры об ограничении, о приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, суд должен соблюдать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач, с другой (пункт 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49).

С учетом приведенных норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе постановления судов, удовлетворивших законные требования прокурора, поскольку по данному делу установлено, что сбор и размещение отходов производится МУП в отсутствие лицензии и на земельном участке, расположенном в границах городского поселения, не имеющем статуса объекта размещения отходов, а администрация городского поселения не исполняет свои обязанности в сфере обращения с отходами потребления.

Определение № 18-КГ24-10-К4

Защита трудовых и социальных прав граждан

8. Предусмотренная Трудовым кодексом Российской Федерации гарантия недопустимости увольнения работника по инициативе работодателя в период его временной нетрудоспособности распространяется и на работника, осуществляющего трудовую деятельность на условиях совместительства, в том числе в случае увольнения данного работника по статье 288 данного кодекса (прекращение трудового договора в случае приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной). При этом на работника законодательством не возлагается обязанность сообщать работодателю о продлении периода его нетрудоспособности и об открытии нового листа нетрудоспособности.

Х. обратился в суд с иском к частной охранной организации (далее также – работодатель) с иском о признании недействительным

приказа работодателя о прекращении трудового договора, восстановлении на работе в прежней должности, об обязанности произвести выплаты за период временной нетрудоспособности и за время вынужденного прогула и с другими исковыми требованиями.

В обоснование заявленных требований Х. указывал, что 19 августа 2020 г. между ним и частной охранной организацией был заключен трудовой договор, по условиям которого Х. принят на должность заместителя генерального директора данной организации по совместительству.

13 сентября 2022 г. Х. поступил на военную службу в Вооруженные Силы Российской Федерации по контракту для участия в специальной военной операции. Работодателем на это время на основании заявления Х. оформлен отпуск без сохранения заработной платы до 31 марта 2023 г.

6 марта 2023 г. между работодателем и другим работником М. заключен трудовой договор о принятии М. с 7 апреля 2023 г. на основную работу на должность, занимаемую Х. по совместительству, – заместителя генерального директора данной организации

7 марта 2023 г. Х. уволен с военной службы в запас по истечении срока контракта о прохождении военной службы. Приказом работодателя Х. предписано приступить к работе с 16 марта 2023 г.

В период с 21 марта по 4 апреля 2023 г. Х. находился на листках нетрудоспособности. 6 апреля 2023 г. работодателю через оператора электронного документооборота в автоматическом режиме поступили сведения о закрытии 4 апреля 2023 г. электронного листка нетрудоспособности Х., в этом электронном листке нетрудоспособности не была указана дата, с которой работнику следует приступить к работе, и содержалась ссылка на номер следующего электронного листка нетрудоспособности.

Приказом генерального директора частной охранной организации от 6 апреля 2023 г. Х. уволен 6 апреля 2023 г. с должности заместителя генерального директора на основании статьи 288 ТК РФ в связи с приемом на работу работника, для которого эта работа будет являться основной.

В дальнейшем работодателем 11 апреля 2023 г. были получены сведения о продлении периода временной нетрудоспособности Х. до 14 апреля 2023 г.

Х. считал свое увольнение по данному основанию незаконным в связи с нарушением работодателем процедуры прекращения трудового договора – увольнения его в период временной нетрудоспособности.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Х. о признании недействительным приказа об увольнении, восстановлении на работе, суд первой инстанции исходил из того, что у частной охранной организации имелись основания для увольнения Х. по статье 288 ТК РФ, поскольку работодателем на должность заместителя генерального директора, которую занимал Х., работая по совместительству, был принят работник, для которого данная работа является основной. При этом суд первой инстанции

указал на то, что работодатель, получив 6 апреля 2023 г. (в день увольнения работника Х.) электронный листок нетрудоспособности со сведениями об освобождении Х. от работы в период с 21 марта по 4 апреля 2023 г. и с отметкой, что этот листок нетрудоспособности закрыт, не был осведомлен до 11 апреля 2023 г. о продлении периода нетрудоспособности работника. На основании того, что Х. в день увольнения не уведомил работодателя о продолжении периода своей нетрудоспособности и открытии нового электронного листка нетрудоспособности, суд первой инстанции сделал вывод о том, что Х. допустил злоупотребление своим правом.

Суд первой инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения других исковых требований Х.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права в связи со следующим.

Согласно положениям главы 44 ТК РФ («Особенности регулирования труда лиц, работающих по совместительству», статьи 282–288) к отношениям, связанным с работой по совместительству, установленные ТК РФ общие правила о трудовом договоре, его заключении и прекращении, а также его условиях, гарантиях и компенсациях, предоставляемых работникам, подлежат применению с учетом особенностей, предусмотренных этой главой названного кодекса.

Статьей 288 ТК РФ предусмотрено дополнительное основание прекращения трудовых отношений с лицом, заключившим трудовой договор о работе по совместительству на неопределенный срок, – в случае приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной.

По своей правовой сути расторжение трудового договора с работником, работающим по совместительству, на основании статьи 288 ТК РФ является расторжением трудового договора по инициативе работодателя, и к этим отношениям подлежат применению нормы ТК РФ о гарантиях работникам при увольнении по инициативе работодателя, в том числе, гарантия предусмотренная частью 6 статьи 81 ТК РФ о запрете на увольнение работника по инициативе работодателя в период временной нетрудоспособности работника и в период его пребывания в отпуске.

Соответственно, суду при разрешении спора о законности увольнения работника в период его временной нетрудоспособности по инициативе работодателя необходимо установить наличие законного основания увольнения, соблюдение работодателем установленного порядка увольнения, а также факт наличия (если на это указывает работодатель) или отсутствия в действиях работника злоупотребления правом, выражающегося

в использовании данным работником в противоправных (неправомерных) целях предоставленных ему при увольнении гарантий, в том числе путем сокрытия факта временной нетрудоспособности, представления документов о нетрудоспособности, выданных в отсутствие предусмотренных на то оснований или без соблюдения установленного законом порядка.

Однако в результате неправильного применения норм материального права, регулирующих спорные отношения, судом первой инстанции названные юридически значимые обстоятельства установлены не были.

Делая вывод о том, что у работодателя имелись основания для увольнения Х. по статье 288 ТК РФ, и указывая, что работодатель на дату издания приказа о прекращении трудовых отношений с Х. не был осведомлен о продлении периода его нетрудоспособности, суд первой инстанции не учел, что именно на работодателе (частной охранной организации) лежит обязанность доказать наличие законного основания увольнения работника и соблюдение установленного порядка его увольнения.

Основывая свой вывод о законности увольнения Х. на доводах ответчика о том, что работодателю до 11 апреля 2023 г. не было известно о продлении периода нетрудоспособности Х. и что Х. не уведомил работодателя об открытии нового листка нетрудоспособности, судебные инстанции оставили без внимания правовое регулирование отношений по вопросам обязательного социального страхования, касающимся формирования и выдачи листков нетрудоспособности в электронном виде.

Между тем из положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» и Правил получения Фондом социального страхования Российской Федерации сведений и документов, необходимых для назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 2010 (название Правил приведено в редакции, действовавшей на дату открытия электронного листка нетрудоспособности Х.¹ – 21 марта 2023 г.), следует, что листок нетрудоспособности застрахованного лица формируется медицинской организацией и размещается в информационной системе страховщика в форме электронного документа. После проверки данных оператор информационной системы страховщика (Фонда пенсионного и социального страхования Российской

¹ В наименовании Правил слова «Фондом социального страхования Российской Федерации» заменены словами «Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (абзацы первый и второй подпункта «в» пункта 128 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2023 г. № 471).

Федерации) направляет информацию об открытии электронного листка нетрудоспособности страхователю (работодателю) с использованием системы электронного документооборота. Оператор информационной системы страховщика также направляет страхователю информацию о продлении, закрытии, об аннулировании электронного листка нетрудоспособности.

Нормы Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» не возлагают на работника обязанности дополнительно сообщать работодателю о продлении периода его нетрудоспособности и открытии нового листка нетрудоспособности.

Приведенные нормативные положения о порядке формирования листка нетрудоспособности застрахованного лица в форме электронного документа и об информационном взаимодействии при этом страховщика и страхователя не были применены судом первой инстанции при разрешении исковых требований Х. и, как следствие, не была дана оценка тому обстоятельству, что до издания работодателем приказа от 6 апреля 2023 г. об увольнении Х. работодателем через оператора электронного документооборота в автоматическом режиме был получен электронный листок нетрудоспособности Х. со сведениями об освобождении его от работы в период с 21 марта по 4 апреля 2023 г. и в нем не была указана дата, с которой работнику следует приступить к работе, и содержалась ссылка на номер следующего электронного листка нетрудоспособности. Указанные обстоятельства не являлись предметом исследования и оценки суда первой инстанции в нарушение требований статьи 67 ГПК РФ.

Ввиду изложенного выводы суда первой инстанции о том, что работодатель не был осведомлен до 11 апреля 2023 г. (даты получения работодателем листка нетрудоспособности, согласно которому Х. был освобожден от работы с 5 по 10 апреля 2023 г.) о продлении периода нетрудоспособности Х., и о том, что Х. допустил злоупотребление своим правом, не уведомив работодателя в день увольнения о продолжении своей нетрудоспособности и об открытии нового листка нетрудоспособности, не могут быть признаны отвечающими требованиям закона.

Кроме того, суд первой инстанции в судебном постановлении не привел мотивов, по которым отклонил доводы Х. об отсутствии с его стороны злоупотребления правом, в частности, о том, что Х. в период с 13 сентября 2022 г. по 7 марта 2023 г., проходя военную службу по контракту в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, принимал участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, после чего нуждался в медицинской помощи и проходил соответствующее лечение, назначенное врачом, в материалы дела были представлены медицинские документы, которые не получили надлежащей правовой оценки суда первой инстанции, как того требуют положения статей 67, 198 ГПК РФ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГПР24-358-К4

9. Работникам с суммированным учетом рабочего времени и (или) при сменной работе за день сдачи ими крови и ее компонентов и за предоставленный в связи с этим дополнительный день отдыха работодатель обязан сохранять средний заработок за количество часов в конкретной рабочей смене работника-донора.

К. обратился в суд с иском к медицинскому учреждению (далее также – работодатель) о возложении обязанности произвести оплату донорских дней.

В обоснование исковых требований К. указывал, что с 16 сентября 1994 г. работает у ответчика. По условиям трудового договора, ему установлена 36-часовая рабочая неделя в соответствии с утвержденным графиком работы, продолжительность рабочей смены – 12 часов или 24 часа.

К. является почетным донором России, периодически сдает кровь и ее компоненты, в эти дни он освобождается от работы, и ему работодателем предоставляются дополнительные дни отдыха. Однако оплата дней сдачи крови и ее компонентов и дней дополнительного отдыха производится работодателем не исходя из продолжительности рабочей смены, а из расчета 8 часов рабочего времени, то есть не в полном объеме.

С такими действиями работодателя К. не согласен и полагает, что дни сдачи им крови и ее компонентов и дополнительные дни отдыха подлежат оплате в размере среднего заработка, исчисленного из количества рабочих часов в его смене, продолжительность которой в периоде, подлежащем оплате, составляла 12 часов.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования К. о возложении на работодателя обязанности произвести оплату его донорских дней исходя из 12-часовой рабочей смены, суд первой инстанции руководствовался статьями 12, 26 Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов», статьями 91, 139, 186 ТК РФ, пунктом 13 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 г. № 922, и исходил из того, что при сменном режиме работы К. и суммированном учете его рабочего времени размер среднего заработка К. за дни сдачи им крови и ее компонентов и оплата предоставленных ему в связи с этим дополнительных дней отдыха должны определяться из количества рабочих часов в смене, на которую приходится соответствующий день.

Установив, что работодателем выплата средней заработной платы К. за дни сдачи крови и ее компонентов и дополнительные дни отдыха произведена из расчета только 8 часов рабочего времени, в то время как продолжительность рабочей смены К. в эти дни составляла 12 часов, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии правовых оснований для возложения на работодателя обязанности произвести оплату донорских дней К. исходя из 12-часовой рабочей смены.

Отменяя решение суда первой инстанции по апелляционной жалобе ответчика и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований К., суд апелляционной инстанции указал на то, что согласно буквальному толкованию положений статьи 186 ТК РФ за сдачу крови и ее компонентов предоставляются календарные дни отдыха, а не смены, в связи с чем оплата дней сдачи крови и ее компонентов, а также предоставляемых ввиду этого дополнительных дней отдыха производится за рабочий день нормальной продолжительности, то есть за 8 часов.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения апелляционное определение суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции, а также кассационного суда общей юрисдикции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Из нормативных положений статей 139, 186 ТК РФ, Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (статьи 1, 2, 4, 12, 26), пункта 13 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 г. № 922², следует, что в целях охраны здоровья доноров крови и ее компонентов и защиты их прав на работодателя возложена обязанность предоставлять работнику в случае сдачи им крови и ее компонентов гарантии и компенсации, установленные законодательством Российской Федерации. В числе таких гарантий и компенсаций – освобождение работника от работы в день сдачи крови и ее компонентов и предоставление работнику после каждого дня сдачи им крови и ее компонентов дополнительного дня отдыха с оплатой этих дней (дня сдачи крови и дня дополнительного отдыха) в размере

² Документ утратил силу с 1 сентября 2025 г. в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2025 г. № 540 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы», которым утверждено новое Положение об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, содержащее в пункте 13 аналогичные нормативные положения.

среднего заработка работника. При этом размер и характер указанных гарантий и компенсаций не обусловлены ежедневной нормой рабочего времени, установленной согласно общим положениям статьи 91 ТК РФ о нормальной продолжительности рабочего времени не более 40 часов в неделю, и не ставятся в зависимость от режима рабочего времени работника и способа учета его рабочего времени.

Понятие рабочего времени дано в статье 91 ТК РФ. Для работников, условия труда на рабочих местах которых по результатам специальной оценки условий труда отнесены к вредным условиям труда 3 или 4 степени или опасным условиям труда, продолжительность рабочего времени устанавливается не более 36 часов в неделю (абзац пятый части 1 статьи 92 ТК РФ).

Продолжительность ежедневной работы (смены) для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями, исходя из положений части 3 статьи 94 ТК РФ может составлять при 36-часовой рабочей неделе до 12 часов.

Согласно нормам части 1 статьи 100, частей 1 и 2 статьи 103, части 1 статьи 104 ТК РФ сменная работа является одним из видов режима рабочего времени, в котором время работы в течение суток в разные рабочие дни может различаться. Соответственно, если работнику трудовым договором установлен сменный режим рабочего времени, то рабочим днем для такого работника является его рабочая смена, то есть при сменной работе рабочее время обусловлено не календарным рабочим днем, а сменой, продолжительность которой определяется графиком сменности и которая может приходиться на разные календарные дни.

При сменном режиме рабочего времени работника предусмотренное статьей 186 ТК РФ освобождение его от работы в день сдачи крови и ее компонентов и предоставление ему после каждого дня сдачи крови и ее компонентов дополнительного дня отдыха означают предоставление работнику дня отдыха не в календарном его понимании, а рабочей смены, установленной графиком сменности, которая может приходиться в том числе и на два календарных дня.

Таким образом, работникам с суммированным учетом рабочего времени и (или) при сменной работе за день сдачи ими крови и ее компонентов и за предоставленный в связи с этим дополнительный день отдыха работодатель обязан сохранять средний заработок за количество часов в конкретной рабочей смене работника-донора.

Именно из такого толкования норм материального права о порядке оплаты дней сдачи крови и ее компонентов и дополнительных дней отдыха работникам со сменным графиком работы и при суммированном учете рабочего времени исходил суд первой инстанции, сделавший вывод о наличии правовых оснований для возложения на работодателя обязанности произвести оплату донорских дней К. согласно количеству часов в его рабочей смене (12 часов) по графику работы в периоде, подлежащем оплате.

Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции не учел, что при сменном режиме работы расчет размера средней заработной платы работника-донора за день сдачи им крови и ее компонентов и за предоставленный в связи с этим дополнительный выходной день исходя из рабочего дня нормальной продолжительности (8 часов), а не из количества рабочих часов в рабочей смене по графику работника в периоде, подлежащем оплате, приведет к необоснованному лишению такого работника выплат, призванных компенсировать ему ту заработную плату, которую он имел бы, если бы не сдавал кровь и ее компоненты с риском для собственного здоровья.

Определение № 10-КГ24-2-К6

10. Обращение пенсионера, отвечающего всем условиям для назначения региональной социальной доплаты к пенсии, с заявлением о назначении данной меры социальной поддержки не в электронной форме, а в форме письменного заявления непосредственно в орган социальной защиты населения не может служить основанием для отказа этому пенсионеру в ее назначении.

Б. обратилась в суд с иском к органу социальной защиты населения о признании незаконным отказа ответчика в назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта в связи с подачей заявления на эту выплату на бумажном носителе, а не в электронной форме, об обязании устранить нарушение ее прав и назначить названную доплату со дня подачи заявления.

В обоснование иска Б. указывала, что 7 января 2022 г. ей назначена страховая пенсия по старости. 21 апреля 2022 г. Б. обратилась к ответчику с письменным заявлением о назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта как неработающему пенсионеру.

Однако в назначении региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта органом социальной защиты населения Б. было отказано ввиду того, что прием заявлений о назначении этой доплаты осуществляется исключительно в электронной форме с использованием Портала государственных и муниципальных услуг.

Б. считала такой отказ нарушающим ее пенсионные права, поскольку она не имеет возможности подать заявление о назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта в электронной форме, так как у нее нет «личного кабинета» на Портале государственных и муниципальных услуг, она не имеет достаточных навыков, необходимых для работы в сети «Интернет», а действующее законодательство не содержит требования о регистрации гражданина на Портале государственных и муниципальных услуг и об обращении заявителя за спорной доплатой исключительно в электронной форме.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что назначить Б. спорную доплату без подачи ею заявления в электронной форме с использованием Портала государственных и муниципальных услуг не представляется возможным, со стороны ответчика (органа социальной защиты населения) при принятии решения об отказе Б. в назначении региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта нарушений допущено не было, ввиду чего отказ органа социальной защиты населения в назначении Б. этой доплаты является правомерным.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что Б. не лишена права обращения за назначением спорной доплаты установленным способом.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделаны с нарушением норм права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, обратив внимание на следующее.

Исходя из нормативных положений Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (статей 1, 12¹), Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (пункта 6 статьи 4, части 1¹ статьи 7), постановления Правительства Москвы от 17 ноября 2009 г. № 1268-ПП «О региональной социальной доплате к пенсии» и с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о необходимости исследования судами фактических обстоятельств конкретного дела по существу и недопустимости установления одних лишь формальных условий применения нормы³ государственная социальная помощь оказывается гражданам в том числе путем предоставления государственных и муниципальных услуг органами, предоставляющими эти услуги. Одним из основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг является доступность обращения граждан за предоставлением государственных и муниципальных услуг и доступность предоставления этих услуг. В электронной форме государственные и муниципальные услуги предоставляются гражданам с использованием единого портала

³ Постановления от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 13 декабря 2016 г. № 28-П, от 10 марта 2017 г. № 6-П, от 11 февраля 2019 г. № 9-П, от 14 января 2020 г. № 2-П и др.

государственных и муниципальных услуг, региональных порталов государственных и муниципальных услуг. При этом федеральное законодательство и законодательство субъекта Российской Федерации не предусматривает обязанности для граждан регистрироваться на едином портале государственных и муниципальных услуг или региональном портале государственных и муниципальных услуг.

Вместе с тем исходя из государственной политики в области социального обеспечения, направленной на оказание помощи пожилым гражданам путем предоставления им мер социальной поддержки (в том числе региональной социальной доплаты к пенсии) и предотвращение необоснованного лишения таких граждан права на эти меры, подача пенсионером, отвечающим всем условиям для назначения региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта, установленным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, и имеющим право на данную доплату, но не зарегистрированным на Портале государственных и муниципальных услуг, заявления о назначении этой меры социальной поддержки не в электронной форме, а в форме письменного заявления непосредственно в орган социальной защиты населения, не может служить безусловным основанием для отказа этому пенсионеру в ее назначении без исследования и учета его конкретных жизненных обстоятельств. Иной подход к вопросу, связанному с реализацией пенсионером права на меры социальной поддержки, вступал бы в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости и приводил бы к нарушению реализации одного из основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг – доступности обращения граждан за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления этих услуг.

Соответственно, при разрешении судом дел, связанных с назначением пенсионеру региональной социальной доплаты к пенсии, с учетом общеправового принципа справедливости и названных выше принципов предоставления государственных и муниципальных услуг формальный подход недопустим. Судам в указанных делах необходимо иметь в виду, что в отношениях с уполномоченным органом пенсионер выступает как слабая сторона и применение в таком случае правовых норм без учета особенностей жизненной ситуации пенсионера, в которой он находится, может привести к лишению этого пенсионера права на предоставление мер социальной поддержки и значительно ухудшить его имущественное положение – вопреки целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни и свободного развития граждан. Кроме того, недопущение судами формального подхода при рассмотрении дел данной категории препятствует возложению бремени неблагоприятных последствий сложившейся ситуации на гражданина (пенсионера) и позволяет обеспечить справедливое соотношение его прав и законных интересов с правами и законными интересами органа публичной власти.

Нормативные положения федерального законодательства и законодательства субъекта Российской Федерации, регулирующие в их системной взаимосвязи отношения по предоставлению неработающим пенсионерам региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта, и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении данного дела по иску Б. о признании незаконным отказа в назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта во внимание не приняты.

Выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии оснований для отказа в удовлетворении исковых требований Б. сделаны без надлежащей правовой оценки фактических обстоятельств по делу, в том числе причин обращения Б., имеющей право на данную меру социальной поддержки, с заявлением не в электронной форме, а с письменным заявлением по форме, утвержденной уполномоченным органом, непосредственно в отдел социальной защиты населения, который занимается назначением и выплатой названной доплаты к пенсии.

Кроме того, судебные инстанции не учли, что для реализации и соблюдения принципа доступности обращения граждан за предоставлением государственных услуг и доступности предоставления этих услуг органу социальной защиты населения следовало применить дифференцированный подход к рассмотрению заявления Б. и принять во внимание отсутствие у нее регистрации на Портале государственных и муниципальных услуг и предусмотренной нормативными предписаниями обязанности иметь такую регистрацию, обстоятельства ее жизненной ситуации (недостаточные навыки пользователя информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», боязнь мошеннических действий). В подобном случае для соблюдения права пенсионера на предоставление мер социальной поддержки органу социальной защиты населения необходимо было предоставить Б. возможность подать заявление о назначении региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта на бумажном носителе.

Ввиду изложенного вывод судебных инстанций о наличии оснований для отказа в удовлетворении исковых требований Б. о признании незаконным отказа органа социальной защиты населения в назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта, об обязанности назначить эту доплату является неправомерным.

Определение № 5-КГ24-127-К2

11. Действующее правовое регулирование по обеспечению жилыми помещениями членов семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, не предполагает возможности формального применения его норм уполномоченным органом

Министерства обороны Российской Федерации, который должен проверить все предусмотренные нормативными положениями условия, необходимые для принятия соответствующего решения, и учесть особенности жизненной ситуации, в которой оказались члены семьи такого военнослужащего.

В., действующая в своих интересах и в интересах своего несовершеннолетнего сына, 2021 года рождения, обратилась в суд с иском к уполномоченному органу Министерства обороны Российской Федерации (далее – уполномоченный орган) о признании незаконным и об отмене решения уполномоченного органа об отказе В. и ее сыну в принятии их на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, в составе семьи погибшего военнослужащего, о признании ее и ее несовершеннолетнего сына как членов семьи погибшего военнослужащего П. нуждающимися в жилых помещениях и о принятии их на учет нуждающихся в жилых помещениях в целях получения денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений на основании пункта 3¹ статьи 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих).

В обоснование заявленных требований В. указывала, что с 8 июля 2006 г. состояла в браке с П., в 2021 году у них родился сын.

П. проходил военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации; семья проживала в комнате общей площадью 26,8 кв. м в общежитии, расположенном в военном городке в г. Екатеринбурге. Эта комната была предоставлена П. на период прохождения им военной службы.

8 марта 2022 г. П. погиб при выполнении задач в ходе специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины. Военнослужащий П. был награжден орденом Мужества посмертно, имел на дату гибели выслугу на военной службе более 20 лет.

После его гибели В. и несовершеннолетний сын остались проживать в комнате в общежитии. Иного жилого помещения ни в собственности, ни по договору социального найма В. и несовершеннолетний сын не имеют.

В. обратилась в уполномоченный орган с заявлением о признании ее и несовершеннолетнего сына как членов семьи погибшего военнослужащего П. нуждающимися в жилых помещениях и о принятии их на учет нуждающихся в жилом помещении в целях получения денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений (далее также – жилищная субсидия) на основании пункта 3¹ статьи 24 Закона о статусе военнослужащих. Однако в удовлетворении заявления ей было отказано по причине того, что на дату гибели военнослужащего П. не истек установленный статьей 53 ЖК РФ пятилетний срок с момента отчуждения им 27 марта 2018 г. жилого помещения, расположенного в другом регионе (в г. Белгороде),

принадлежавшего П. на праве собственности (данное жилое помещение получено П. в порядке наследования в 2013 году).

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований В., суд первой инстанции исходил из того, что право на обеспечение жилым помещением за счет средств Министерства обороны Российской Федерации могло быть приобретено военнослужащим П., а членами его семьи после его смерти (гибели) – только в случае, если в период прохождения военной службы сам военнослужащий П. был признан нуждающимся в получении жилого помещения и принят на соответствующий учет либо имелись основания для признания его и членов его семьи нуждающимися в жилых помещениях. Принадлежавшее военнослужащему П. до 27 марта 2018 г. на праве собственности жилое помещение подлежит учету при определении уровня обеспеченности жилым помещением П. и членов его семьи, поскольку на день смерти П. не истек пятилетний срок после отказа П. от прав на данное жилое помещение. Со ссылкой на эти обстоятельства суд первой инстанции пришел к выводу о том, что военнослужащий П. не являлся и не мог быть признан нуждающимся в жилом помещении, вследствие чего его супруга В. и несовершеннолетний сын, чьи права являются производными от прав военнослужащего П., не могут быть поставлены на учет нуждающихся в жилых помещениях как члены его семьи.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными, дополнительно отметив, что действия военнослужащего П. по отчуждению жилого помещения (до 27 марта 2018 г.), приобретенного им в порядке наследования, правомерно расценены ответчиками как совершенные с намерением ухудшить свои жилищные условия.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и приняла новое решение об удовлетворении исковых требований В., действующей в своих интересах и в интересах своего несовершеннолетнего сына, по следующим основаниям.

Из нормативных положений Закона о статусе военнослужащих (статей 2, 15, 15¹, 24), правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации⁴, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁵ следует, что названным законом установлены социальные гарантии как военнослужащим, так и членам их семей, чей правовой статус

⁴ Постановление от 14 декабря 2021 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1¹ статьи 15¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда».

⁵ Пункт 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

произведен от статуса самих военнослужащих и обусловлен характером их служебной деятельности, особенностями возложенных на них государственно значимых обязанностей. К членам семей военнослужащих, на которых распространяются социальные гарантии, относятся в том числе супруга (супруг) и несовершеннолетние дети.

Одной из таких гарантий является предоставление признанным в установленном законом порядке нуждающимися в жилых помещениях военнослужащим и проживающим совместно с ними членам их семей денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений (жилищная субсидия).

В случае гибели (смерти) военнослужащих в период прохождения военной службы для членов их семей предусмотрена возможность сохранения права на жилищное обеспечение. В таком случае денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений предоставляются членам семей военнослужащих во внеочередном порядке при наличии оснований для признания военнослужащих и членов их семей нуждающимися в жилых помещениях на дату гибели (смерти) военнослужащего и независимо от общей продолжительности их военной службы. Жилищная субсидия предоставляется членам семей военнослужащих с учетом права погибшего (умершего) военнослужащего в том числе на дополнительную общую площадь жилого помещения на дату его гибели (смерти). Названная мера социальной поддержки направлена на защиту прав и законных интересов членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, разделявших с такими военнослужащими ограничения и трудности, связанные с прохождением военной службы.

Критерии нуждаемости военнослужащих и членов их семей для постановки их на учет в целях получения жилищной субсидии определены нормами ЖК РФ (статьи 51, 53). Одним из таких критериев является обеспеченность военнослужащего и членов его семьи общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее установленной учетной нормы. При этом статьей 53 ЖК РФ предусмотрены ограничения в постановке гражданина на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, если им совершены намеренные действия по ухудшению своих жилищных условий. Такие граждане принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения подобных действий.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что статья 53 ЖК РФ, устанавливая ограничение в постановке граждан на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, если ими совершены умышленные действия с целью искусственного ухудшения жилищных условий, могущего привести к состоянию, требующему участия органов государственной власти и органов местного самоуправления в обеспечении их другим жильем, подлежит применению в системе

действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с пунктом 5 статьи 10 ГК РФ, согласно которому добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 2972-О, от 26 апреля 2021 г. № 749-О, от 27 октября 2022 г. № 2803-О, от 26 сентября 2024 г. № 2444-О и др.).

С учетом изложенного в ситуации, когда военнослужащим были совершены действия по отчуждению принадлежавшего ему жилого помещения и на дату гибели (смерти) этого военнослужащего в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы не истек пятилетний срок с момента совершения им таких действий, при отсутствии в действиях военнослужащего по отчуждению принадлежавшего ему жилого помещения недобросовестности (искусственного ухудшения жилищных условий), то есть злоупотребления правом, членам его семьи, нуждающимся в жилом помещении и обратившимся в уполномоченный орган на основании пункта 3¹ статьи 24 Закона о статусе военнослужащих, не может быть отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях. Иное не отвечало бы целям и предназначению названной меры социальной поддержки членов семьи погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы военнослужащего, разделявших с ним ограничения и трудности, связанные с прохождением службы, а также балансу конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов.

Суды первой и апелляционной инстанций, разрешая данное дело по требованиям В., неправильно истолковали положения статьи 53 ЖК РФ о последствиях намеренного ухудшения гражданами своих жилищных условий. Судебными инстанциями не были приняты во внимание установленные по делу следующие обстоятельства: военнослужащий П. с семьей проживал в комнате в общежитии, предоставленной ему для временного проживания на период прохождения военной службы; квартирой, полученной П. в порядке наследования, находившейся в другом регионе (г. Белгород), он и члены его семьи не пользовались; военнослужащий П., выслуга которого на дату его гибели составляла более 20 лет, с заявлением о постановке его с семьей на учет нуждающихся в жилых помещениях в соответствующий уполномоченный орган как до получения данной квартиры в порядке наследования, то есть до 2013 года, так и после отчуждения данной квартиры 27 марта 2018 г. не обращался. При этом материалы дела не содержат сведений о том, что военнослужащим П. отчуждение этой квартиры было осуществлено с намерением приобретения права состоять на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях по месту прохождения службы.

Отказ уполномоченного органа в признании В и ее несовершеннолетнего сына (членов семьи погибшего военнослужащего П.) нуждающимися в жилых помещениях и в принятии их на учет нуждающихся

в жилых помещениях в целях получения денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений привел к тому, что право членов семьи погибшего военнослужащего на меры социальной поддержки поставлено в зависимость от даты гибели военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, а именно: погиб он раньше или позже определенной даты, в данном случае – даты истечения пятилетнего срока с момента отчуждения жилого помещения, притом что если бы военнослужащий П не погиб, выполняя свой воинский долг в ходе специальной военной операции, то по истечении пяти лет с момента отчуждения им жилого помещения никаких препятствий со стороны уполномоченного органа для обеспечения его и его семьи жилым помещением в форме жилищной субсидии не возникло бы.

Подобная позиция уполномоченного органа противоречит целям социального государства, направленным на создание условий для достойной жизни граждан, и подрывает доверие граждан к закону и действиям государства, нарушает общеправовой принцип справедливости и свидетельствует о формальном подходе, допущенном при решении вопроса о предоставлении денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений членам семьи военнослужащего П., погибшего при исполнении обязанностей военной службы, без учета особенностей жизненной ситуации, в которой оказались члены его семьи.

Определение № 45-КГ24-37-К7

12. После денонсации Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. и прекращения его действия для Российской Федерации с 1 января 2023 г. в отсутствие международного договора между Российской Федерацией и соответствующим государством СНГ о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения периоды работы и (или) иной деятельности граждан Российской Федерации на территории этого государства включаются в их страховой стаж при условии уплаты страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

А. 7 ноября 2023 г. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения ответчика в части отказа во включении в страховой стаж периода работы, о возложении на ответчика обязанности включить в страховой стаж для назначения страховой пенсии по старости период работы и назначении страховой пенсии по старости.

В обоснование исковых требований А. указывал, что 2 августа 2023 г. обратился пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии

по старости на основании статьи 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон «О страховых пенсиях»), в назначении которой ему было отказано по причине отсутствия у него требуемых страхового стажа и величины индивидуального пенсионного коэффициента. В страховой стаж А. пенсионным органом не был включен период его работы с 1 января 1991 г. по 6 ноября 1999 г. в должности тренера по волейболу в детско-юношеской спортивной школе, расположенной на территории Республики Узбекистан, поскольку в данный период работы на территории Республики Узбекистан уплата страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации не производилась.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования А., суд первой инстанции сделал вывод о том, что у пенсионного органа не имелось оснований для исключения спорного периода работы А. из страхового стажа, дающего право на назначение страховой пенсии по старости; поскольку спорный период работы истца имел место в период действия Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения, подписанного в г. Москве 13 марта 1992 г. (далее – Соглашение от 13 марта 1992 г.), то не требовалось подтверждения уплаты за А. страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, а необходимы были только документы, подтверждающие период его работы, которые им были суду представлены. Довод пенсионного органа об отсутствии оснований для применения к спорным отношениям положений названного соглашения суд первой инстанции признал ошибочным.

Суд апелляционной согласился с позицией суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии установлены Федеральным законом «О страховых пенсиях», вступившим в силу с 1 января 2015 г., в соответствии с частью 1 статьи 4 которого право на страховую пенсию имеют граждане Российской Федерации, застрахованные в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ), при соблюдении ими условий, предусмотренных этим федеральным законом.

Частями 1 и 2 статьи 11 Федерального закона «О страховых пенсиях» установлено, что в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной

деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации лицами, указанными в части 1 статьи 4 данного федерального закона, при условии, что за эти периоды начислялись или уплачивались страховые взносы в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись за пределами территории Российской Федерации, включаются в страховой стаж в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации, либо в случае уплаты страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ.

В сфере пенсионного обеспечения применяются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные Федеральным законом «О страховых пенсиях», применяются правила международного договора Российской Федерации (часть 3 статьи 2 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Соглашение от 13 марта 1992 г., заключенное государствами – участниками СНГ, в том числе Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, в целях обеспечения сохранения пенсионных прав граждан, приобретенных в советское время, предусматривало осуществление пенсионного обеспечения граждан этих государств по законодательству государства, на территории которого они проживают, учет при установлении права на пенсию трудового стажа, приобретенного на территории любого из этих государств, а также на территории бывшего СССР за время вступления в силу данного соглашения, и заработка (дохода) за указанные периоды.

Соглашение от 13 марта 1992 г. содержало положения о возможности выхода участника из него в установленном порядке.

Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» (далее – Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ), вступившим в силу с 30 июня 2022 г., Соглашение от 13 марта 1992 г. денонсировано и прекратило свое действие для Российской Федерации с 1 января 2023 г. (согласно официальному сообщению МИД РФ). Пенсии, которые назначены гражданам по нормам Соглашения от 13 марта 1992 г. до его денонсации, пересмотру не подлежат и их выплата Российской Федерацией продолжается.

Пенсионное обеспечение лиц, застрахованных в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ и имеющих стаж работы на территории государств – участников СНГ, обратившихся в пенсионный орган на территории Российской Федерации за назначением пенсии после денонсации Российской Федерацией Соглашения от 13 марта

1992 г., то есть после 1 января 2023 г., осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, которым предусмотрено, что периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись застрахованными лицами за пределами территории Российской Федерации, включаются в страховой стаж в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации, либо в случае уплаты страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ.

Судами первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований А. о включении в страховой стаж периода его работы с 1 января 1991 г. по 6 ноября 1999 г. нормативные положения, определяющие порядок и условия назначения страховой пенсии по старости гражданам, имеющим стаж работы на территории государств – участников СНГ, то есть за пределами территории Российской Федерации, применены неправильно, а нормы материального права, регулирующие порядок действия и прекращения международных договоров Российской Федерации, применены не были.

Делая вывод о наличии оснований для включения в страховой стаж А. спорного периода работы на территории Республики Узбекистан со ссылкой на Соглашение от 13 марта 1992 г. и удовлетворяя его исковые требования о возложении на пенсионный орган обязанности назначить А. страховую пенсию по старости с 2 августа 2023 г., судебные инстанции не приняли во внимание, что А. обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости 2 августа 2023 г., то есть уже после того как Соглашение от 13 марта 1992 г. прекратило свое действие для Российской Федерации (с 1 января 2023 г.), соответственно, оно не подлежало применению при оценке пенсионных прав А. и решении вопроса о включении в его страховой стаж спорного периода работы.

Денонсация Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ Соглашения от 13 марта 1992 г. означает отказ Российской Федерации от данного международного договора. То есть при денонсации Соглашения от 13 марта 1992 г. и прекращении его действия для Российской Федерации с 1 января 2023 г. на будущее время пенсионное обеспечение граждан государств – участников СНГ осуществляется в соответствии с новыми заключенными международными договорами (соглашениями) либо в соответствии с национальным законодательством (при отсутствии заключенных международных договоров (соглашений), что не было учтено судами первой и апелляционной инстанций. При этом после вступления в силу Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан не заключен международный договор (соглашение) о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения, а российское пенсионное законодательство не предусматривает возможности включения в страховой стаж гражданина Российской Федерации периодов

работы за пределами территории Российской Федерации без уплаты страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ.

Поскольку на дату обращения А. в пенсионный орган – 2 августа 2023 г. не были соблюдены все условия, необходимые для назначения ему страховой пенсии по старости (наличие требуемого страхового стажа, величины индивидуального пенсионного коэффициента), у пенсионного органа не возникло обязательства по его пенсионному обеспечению; применение судом к спорным отношениям Соглашения от 13 марта 1992 г. при исчислении страхового стажа А. ошибочно.

Определение № 32-КГ25-1-К1

Процессуальные вопросы

13. Признание судом гражданина недееспособным по результатам рассмотрения дела по заявлению об ограничении дееспособности такого гражданина не допускается гражданским процессуальным законом.

А. обратилась в суд с заявлением о признании Б. ограниченно дееспособной. В обоснование заявления А. указала, что Б., 2004 года рождения, является дочерью А. и В., зарегистрирована и проживает с родителями.

Б. состоит на учете в психоневрологическом диспансере, являлась ребенком-инвалидом (психическое заболевание), а с 2022 года имеет статус инвалида с детства, ей установлена II группа инвалидности. Из-за болезни Б. не всегда может контролировать свои действия и руководить ими, нуждается в попечительстве. Б. до совершеннолетия на постоянной основе требовала у родственников деньги для покупки кукол. С наступлением совершеннолетия она начала самостоятельно тратить свою пенсию на покупку дорогих кукол. За короткий период с апреля по сентябрь 2022 года взяла кредиты на эти цели на сумму более 170 000 руб., чем поставила себя и свою семью в тяжелое материальное положение.

В отношении Б. по делу назначена судебно-психиатрическая экспертиза. Согласно заключению экспертов у Б. имеются признаки психического расстройства.

Разрешая дело, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку Б. не может понимать значение своих действий и руководить ими, в том числе при помощи других лиц, то имеются основания для выхода за пределы заявления и признания Б. недееспособной.

В суд апелляционной инстанции от А. поступило заявление об отказе от заявления о признании Б. ограниченно дееспособной.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции указал на то, что отказ А. от заявления направлен на отмену решения суда первой инстанции о признании Б. недееспособной и лишает возможности проверить решение суда первой инстанции в апелляционном порядке на предмет его законности и обоснованности. Принятие отказа А. от заявления о признании Б. ограниченно дееспособной и прекращение производства по делу нарушит права и законные интересы Б. как лица, страдающего психическим заболеванием. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о признании Б. недееспособной.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные акты судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что судами при разрешении спора были нарушены нормы права.

Гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека (пункт 1 статьи 29 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 30 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство.

Частью 1 статьи 263 ГПК РФ предусмотрено, что дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства с особенностями, установленными главой 27 и главами 28–38 ГПК РФ.

Согласно части 1 статьи 281 ГПК РФ дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь.

В силу части 2 статьи 281 ГПК РФ дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Согласно части 4 статьи 281 ГПК РФ заявление об ограничении

гражданина в дееспособности, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами подается в суд по месту жительства данного гражданина, а если гражданин помещен в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или стационарную организацию социального обслуживания, предназначенную для лиц, страдающих психическими расстройствами, по адресу этих организаций.

Статьей 285 ГПК РФ предусмотрено, что решение суда, которым гражданин ограничен в дееспособности, является основанием для назначения ему попечителя органом опеки и попечительства (часть 1). Решение суда, которым гражданин признан недееспособным, является основанием для назначения ему опекуна органом опеки и попечительства (часть 2).

Из материалов дела следует, что А. обратилась в суд с заявлением о признании Б. ограниченно дееспособной. Данное заявление А. последовательно поддерживала в процессе рассмотрения дела в суде первой инстанции и просила его удовлетворить. О признании Б. недееспособной А. не заявляла, мотивируя это тем, что не желает ограничения прав для своей дочери, полагая, что ее психическое состояние не создает угрозу жизни или здоровью как себе, так и окружающим.

В части 3 статьи 196 ГПК РФ закреплено что суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами.

Оснований для выхода за пределы заявления А. о признании Б. ограниченно дееспособной и применения более строгих предписаний, существенно изменяющих правовой статус Б., у суда первой инстанции не имелось. Между тем, принимая решение по делу, суд первой инстанции признал Б. недееспособной в отсутствие заявления об этом, чем нарушил приведенные выше нормы гражданского процессуального законодательства и не учет разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Судом апелляционной инстанции и кассационным судом общей юрисдикции допущенные судом первой инстанции нарушения устранены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Применение законодательства о юридических лицах

14. Решение собрания об определении выкупной стоимости акций народного предприятия может быть признано недействительным, если установленная в таком решении стоимость выкупа акций существенно отличается от действительной стоимости чистых активов предприятия.

Закрытое акционерное общество, отнесенное к народным предприятиям (далее – предприятие), предложило своим бывшим работникам-акционерам заключить договор купли-продажи принадлежащих им акций по цене, определенной решением наблюдательного совета в соответствии с методикой, утвержденной общим собранием акционеров предприятия.

Акционеры отказались от заключения договора, полагая, что предложенная выкупная стоимость акций существенно занижена по сравнению с рыночной стоимостью чистых активов предприятия.

В связи с этим они обратились в арбитражный суд с требованием о признании недействительным соответствующего решения наблюдательного совета предприятия, полагая, что оно нарушает норму пункта 1 статьи 7 Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» (далее – Закон № 115-ФЗ).

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении исковых требований отказал. Суды исходили из того, что расчет выкупной стоимости произведен наблюдательным советом в соответствии с утвержденной общим собранием акционеров методикой. Кроме того, не имеется оснований полагать, что данная выкупная стоимость акций отличается от их рыночной стоимости.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Отчуждение акций народного предприятия его работниками допускается только в случаях, установленных законом (пункт 2 статьи 6 Закона № 115-ФЗ). Законом допускается отчуждение акций народного предприятия только в отношении других работников или самого народного предприятия (пункты 3, 4 статьи 6 Закона № 115-ФЗ).

На основании пункта 4 статьи 6 Закона № 115-ФЗ народное предприятие обязано выкупить у уволившегося работника-акционера, а уволившийся работник-акционер обязан продать народному предприятию

принадлежащие ему акции народного предприятия по их выкупной стоимости в течение трех месяцев с даты увольнения.

В силу пункта 1 статьи 7 Закона № 115-ФЗ выкупная стоимость всех акций народного предприятия определяется ежеквартально по методике, утверждаемой общим собранием акционеров, при этом указанная стоимость не должна составлять менее 30 % стоимости чистых активов народного предприятия и должна, как правило, соответствовать их рыночной стоимости.

Из приведенных положений указанного закона следует, что оборотоспособность акций народного предприятия существенно ограничена в целях сохранения персонального состава акционеров и обеспечения владения большинством акций именно работниками народного предприятия, которые не только выполняют трудовую функцию, но и участвуют в управлении им.

Следовательно, в народном предприятии, как и в других непубличных корпорациях (обществах с ограниченной ответственностью, непубличных акционерных обществах), не может быть предусмотрен запрет на выход из общества в широком смысле слова, который влек бы за собой бессрочное удержание лица в числе участников (акционеров), например за счет установления такой цены выкупа доли (акций), при которой участник (акционер) вынужденно остается в обществе. Лишение участника (акционера) справедливой стоимости принадлежащей ему доли в уставном капитале (акций) по сути означает лишение возможности участия в прибыли от ведения общего дела, что недопустимо. В связи с этим в уставе хозяйственного общества не могут содержаться положения о закреплении заранее установленной цены покупки доли в размере, существенно отличающемся от ее рыночной стоимости.

Таким образом, по смыслу пункта 4 статьи 6 и пункта 1 статьи 7 Закона № 115-ФЗ акционер народного предприятия, заявляющий о выкупе акций в связи с увольнением, вправе требовать их выкупа по цене, учитывающей действительную (актуальную) стоимость активов предприятия.

В свою очередь, методика определения выкупной стоимости акций, утвержденная общим собранием акционеров, как следует из пункта 1 статьи 7 Закона № 115-ФЗ, может предусматривать разумное уменьшение части активов акционерного общества, которая берется за основу расчета выкупной стоимости (но не менее 30 % стоимости чистых активов), если это необходимо для защиты интересов работников-акционеров, остающихся в обществе, но не должна допускать искусственное занижение стоимости самих активов народного предприятия.

Высказанная в данном споре позиция судов сводится в конечном итоге к утверждению, что акционерам – работникам народных предприятий, в отличие от участников коммерческих корпораций, действующих в иных организационно-правовых формах (общество с ограниченной ответственностью, публичные и непубличные акционерные общества),

не предоставлено право оспаривать выкупную стоимость акций по мотиву ее несоответствия действительной (рыночной) стоимости имущества корпорации.

Однако Закон № 115-ФЗ не устанавливает никаких особенностей правового положения акционеров-работников, которые позволили бы сделать вышеуказанный вывод.

Определение № 307-ЭС25-2475

15. Решение общего собрания акционеров об увеличении уставного капитала может быть оспорено на основании статей 10 и 181⁴ Гражданского кодекса Российской Федерации, если оно принято при отсутствии экономической необходимости в привлечении дополнительного финансирования и направлено на перераспределение корпоративного контроля в интересах одного из участников (акционеров).

Общим собранием акционеров непубличного акционерного общества принято решение об увеличении уставного капитала путем размещения дополнительных обыкновенных акций посредством закрытой подписки в отношении лица, аффилированного с мажоритарным акционером.

Миноритарный акционер, полагая, что решение об увеличении уставного капитала принято с целью снижения его корпоративного контроля с 21,28 % акций уставного капитала до символического значения, не дающего возможность принимать реальное участие в управлении обществом и рассчитывать на получение прибыли от его деятельности, обратился в арбитражный суд с иском о признании такого решения недействительным на основании статей 10 и 181⁴ ГК РФ.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказал, полагая, что решение принято при наличии кворума в рамках компетенции общего собрания акционеров.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

При ведении общего дела участники (акционеры), связанные договором об учреждении общества и корпоративным договором, в силу общих требований пунктов 3 и 4 статьи 1, пункта 3 статьи 307 ГК РФ, предъявляемых к гражданско-правовым обязательствам любого типа, обязаны действовать разумно и добросовестно – в общих интересах общества, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения их общей цели, состоящей в получении прибыли от совместной деятельности.

Недопустимость злоупотребления правом заключается, в частности, в том, что контролирующий участник (акционер) не вправе использовать предоставленные ему законом или уставом полномочия для принятия решений, которые направлены исключительно к его собственной выгоде без учета разумного корпоративного интереса гражданско-правового сообщества участников общества или приведут к существенному ущемлению прав меньшинства (миноритарных участников).

В связи с этим некоторые решения общего собрания участников (акционеров) должны подвергаться судебному контролю при осуществлении их оспаривания, даже если такие решения принимались необходимым большинством голосов при формальном соблюдении процедуры их принятия. К подобным решениям относятся те, которые затрагивают само существо корпоративных прав участия лица, в том числе право на участие в прибыли хозяйственного общества (получение дивидендов), право на участие в управлении хозяйственным обществом.

В частности, суд вправе признать злоупотреблением правом голосование большинства акционеров за принятие решения о принятии в общество нового участника (дополнительный выпуск акций), если при рассмотрении дела будет установлено, что экономических причин для принятия такого решения не имелось, в том числе если приводимые причины очевидно не могли являться определяющими для любого разумного акционера, а перераспределение долей (акций) между участниками общества с уменьшением доли миноритарных участников выступало основной (единственной или преобладающей) причиной принятия оспариваемого решения.

При этом необходимо принимать во внимание, что сам по себе результат в виде уменьшения доли участия лица в уставном капитале не является основанием для признания соответствующего решения недействительным, если привлечение дополнительного капитала являлось экономически обоснованным (необходимым для сохранения деятельности компании или увеличения масштабов деятельности), а несогласные участники (акционеры) сохраняли возможность пропорционального участия в докапитализации общества.

Оспаривая решение общего собрания акционеров о дополнительном выпуске акций, истец приводил доводы о том, что согласно бухгалтерской отчетности общества финансовые показатели его деятельности за предшествующий год являлись положительными, в частности выручка общества увеличилась вдвое, а потребность в привлечении капитала за счет дополнительного выпуска акций объективно отсутствовала, что не было учтено судами при рассмотрении дела.

Кроме того, в случае осуществления дополнительного выпуска акций доля истца уменьшится с 21,28 % до символических 0,008 %. При этом для осуществления своего преимущественного права приобретения акций истец должен будет понести существенные расходы, что не может быть признано

экономически обоснованным с учетом представленных финансовых показателей.

Определение № 306-ЭС24-21253

Споры, возникающие из обязательственных отношений

16. Обращение покупателя в суд после истечения гарантийного срока не является основанием для отказа в иске, если он подтвердит, что недостатки были им обнаружены в течение гарантийного срока.

Во исполнение заключенного с предпринимателем договора компания организовала строительство жилого дома, который был введен в эксплуатацию.

Впоследствии предприниматель заключил договор купли-продажи этого объекта недвижимости (с земельным участком) с физическим лицом (покупателем).

В процессе эксплуатации жилого дома покупателем выявлены недостатки – на несущей конструкции (панели) дома образовалась трещина. В соответствии с заключением экспертизы, проведенной на основании договора с покупателем, выявленные дефекты являются результатом некачественного выполнения работ при строительстве дома.

Покупатель направил в адрес компании претензию с требованием о возмещении стоимости устранения недостатков и затрат на экспертизу.

Впоследствии требование к компании и предпринимателю о возмещение убытков за строительные недостатки дома, выявленные в гарантийный период, было уступлено покупателем обществу (цессионарию).

Общество обратилось в арбитражный суд с иском.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении исковых требований отказал. Суды исходили из того, что претензия о выявленных недостатках дома была направлена за пределами установленного законом двухлетнего срока предъявления требований по качеству.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Из положений статьи 476 ГК РФ следует, что бремя доказывания причин возникновения недостатков товара распределяется между сторонами договора купли-продажи (поставки) в зависимости от того, установлен ли на товар гарантийный срок.

Если договором купли-продажи гарантийный срок на него не установлен, а законом не оговорены специальные сроки, в течение которых покупатель мог предъявить требование по качеству приобретенного

недвижимого имущества, то согласно пункту 2 статьи 477 ГК РФ срок предъявления к продавцу требований в отношении недостатков объекта недвижимости составляет два года со дня его передачи покупателем, и в этом случае действуют общие правила исчисления срока исковой давности, предусмотренные пунктом 1 статьи 200 ГК РФ.

Таким образом, установленный пунктом 2 статьи 477 ГК РФ двухлетний срок обнаружения недостатков товара не является сроком исковой давности для судебной защиты.

Обращение покупателя в суд после истечения гарантийного срока не лишает его права на судебную защиту, но обязывает представить доказательства обнаружения недостатков именно в течение гарантийного срока.

Вместе с тем судами не учтены доводы истца о том, что о наличии строительных недостатков в приобретенном объекте недвижимости покупателю, как следует из искового заявления, стало известно через 5 месяцев после начала его эксплуатации, то есть в пределах двух лет с момента передачи объекта по договору купли-продажи, заключенному с предпринимателем.

Определение № 306-ЭС25-1348

17. Условия договора страхования, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

Между страхователем и страховщиком заключен договор страхования карьерного самосвала. В период действия указанного договора водитель самосвала допустил съезд транспортного средства задним ходом в карьерный бункер с последующим образованием опасного крена и опрокидыванием застрахованного имущества, в результате чего самосвал получил существенные повреждения.

Полагая данное событие страховым случаем, страхователь обратился к страховщику с заявлением о выплате соответствующей суммы страхового возмещения.

Отказ страховщика в удовлетворении заявления явился основанием для обращения страхователя в арбитражный суд с иском о взыскании страхового возмещения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды пришли к выводу, что страхователем нарушены правила техники безопасности при ведении работ, относящихся непосредственно к деятельности юридического лица, что является договорным основанием для освобождения страховщика от ответственности.

Отменяя принятые судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на следующее.

В силу пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества», условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества и могут включать перечень случаев, не являющихся страховыми (статья 421 ГК РФ).

Однако необходимо разграничивать исключения из страхового покрытия (из числа страховых случаев) и основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

По смыслу статьи 929 ГК РФ и статьи 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» под страховым случаем понимается именно объективные события, относящиеся, в частности, к событиям внешнего мира либо к действиям (бездействию) лиц, не являющихся участниками страховых отношений. В то же время совершение страхователем действий, способствовавших наступлению страхового случая, может послужить основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

В соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 963 ГК РФ страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 963 ГК РФ.

Законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя (абзац второй пункта 1 статьи 963 ГК РФ).

Таким образом, учитывая, что сформулированные в разделе 4 Правил страхования специальной техники (в редакции от 15 июля 2015 г., далее – Правила страхования) оговорки об исключении из страхового покрытия связаны с действиями самого страхователя и установлением его вины, под видом исключения из перечня страховых случаев в данном деле согласованы дополнительные основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Однако положения действующего законодательства не предусматривают в подобных случаях освобождение страховщика от обязанности по выплате возмещения. Более того, нормы ГК РФ содержат императивное указание на то, что освобождение страховщика от обязанности по выплате страхового возмещения возможно, только если это прямо предусмотрено законом (абзац второй пункта 1 статьи 963 ГК РФ).

Следовательно, соответствующие оговорки, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

Страховщик, выступая в качестве профессионального участника рынка страхования и являясь экономически более сильной стороной данных правоотношений, посредством включения в полис-оферту упомянутых оговорок фактически минимизирует свой предпринимательский риск, связанный с выплатой страхового возмещения, ставя возможность его выплаты в зависимость от любых действий страхователя, а не от факта наступления страхового случая как объективно произошедшего события.

Определив гибель и повреждение имущества как страховой случай, страховщик включил в раздел 4 Правил страхования, являющихся неотъемлемой частью договора страхования, такое количество причин, когда выплата страхового возмещения невозможна в результате различных явлений и действий, независимо от формы вины лица, их совершивших, что страховой случай переведен из разряда события (факта) в разряд условий, освобождающих от ответственности, что не соответствует положениям статьи 963 ГК РФ.

С учетом изложенного вывод судов о наличии у страховщика правовых оснований для отказа в страховой выплате, поскольку заявленное событие не относится к страховому случаю, является ошибочным.

Определение № 307-ЭС24-24190

Практика применения земельного законодательства

18. Использование зданий, расположенных на арендуемых публичных земельных участках, в коммерческих целях не дает основания для применения льготной ставки при исчислении арендных платежей (регулируемой платы).

Департамент (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды части земельного участка для эксплуатации административного здания.

Впоследствии арендодатель обратился в арбитражный суд с иском к арендатору о взыскании задолженности по арендной плате, рассчитанной на основании постановления Правительства Москвы от 25 апреля 2006 г. № 273-ПП «О совершенствовании порядка установления ставок арендной платы за землю в городе Москве» (далее – Постановление № 273-ПП) по ставке 1,5 % от кадастровой стоимости исходного земельного участка исходя из цели предоставления участка в аренду и вида его разрешенного использования.

Суд первой инстанции удовлетворил требование арендодателя и

взыскал задолженность по арендной плате, рассчитанной по ставке 1,5 % от кадастровой стоимости земельного участка.

Суд апелляционной инстанции постановлением, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, отменил решение суда первой инстанции и взыскал задолженность по арендной плате, рассчитанной по ставке 0,01 % от кадастровой стоимости за земельные участки, занятые особо охраняемыми территориями и объектами, в соответствии с пунктом 14 приложения № 1 к Постановлению № 273-ПП.

Суды исходили из того, что арендуемый земельный участок расположен в зоне объекта культурного наследия федерального значения на территории особого режима использования, следовательно, применяется льготная ставка арендной платы независимо от фактического вида использования арендатором расположенного на земельном участке здания.

Отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на следующее.

Принципы земельного законодательства, в том числе принципы единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов и деления земель по целевому назначению (пункт 1 статьи 1 ЗК РФ), рассматриваемые в системном единстве, позволяют сделать вывод, что при строительстве и эксплуатации объектов недвижимости должны соблюдаться требования, обусловленные целевым назначением земельного участка, в границах которого они создаются и используются.

По смыслу земельного и градостроительного законодательства вид разрешенного использования земельного участка должен соответствовать фактическому использованию объекта капитального строительства, расположенного на данном участке. В ином случае различие видов использования земельного участка и объекта недвижимости приведет к нецелевому использованию такого участка, что является недопустимым.

Ставки арендной платы за землю в городе Москве утверждены Постановлением № 273-ПП, в преамбуле которого указано, что основными параметрами, влияющими на размер арендной платы за землю, является вид деятельности арендатора и кадастровая стоимость земельного участка.

Таким образом, размер арендной платы за публичный земельный участок для правообладателя объекта недвижимости, расположенного на участке, в том числе имеющем несколько видов разрешенного использования, определяется с учетом вида разрешенного использования земельного участка и фактического использования объекта недвижимости.

Между тем арендатор, использующий здание, находящееся на земельном участке, в коммерческих целях (административные цели, общественное питание и торговля), не доказал наличия права требовать применения при расчете арендной платы за пользование данным участком льготной ставки.

Сами по себе расположение земельного участка в границах территории особого режима использования, наличие у находящегося на участке здания статуса объекта культурного наследия и обязанность арендатора его сохранять без учета цели предоставления данного объекта, разрешенного и фактического использования не влекут возможности применения льготной ставки арендной платы, установленной пунктом 14 приложения № 1 к Постановлению № 273-ПП.

Иное толкование правил применения указанной льготной ставки повлечет нарушение принципа экономической обоснованности и необоснованные предпочтения для лиц, использующих объекты, имеющие статус памятника, для коммерческой деятельности, по сравнению с иными лицами, которым объект культурного наследия предоставлен для социально значимой историко-культурной деятельности, либо с лицами, осуществляющими коммерческую деятельность, аналогичную деятельности общества в объектах, не имеющих статуса памятника, в границах одной и той же территориальной зоны.

Определение № 305-ЭС25-2979

19. Положения пункта 3 статьи 3⁶ Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» о бесплатном осуществлении сервитута в отношении земель, на которых расположены линейные объекты, возведенные до 1 сентября 2018 г., не подлежат применению, когда при изменении, увеличении протяженности линейного объекта, его реконструкции, дополнении новыми частями необходимо использование новых земельных участков.

На основании заявления общества уполномоченный орган согласно подпункту 1 статьи 39³⁷ ЗК РФ установил публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности, в целях эксплуатации обществом объекта федерального значения – строительство камер систем очистки и диагностики (далее – СОД).

В связи с недостижением при заключении соглашения об осуществлении публичного сервитута в отношении земельных участков договоренности в части платы за публичный сервитут собственник участков обратился в арбитражный суд с требованиями к обществу об обязании заключить соглашение об осуществлении публичного сервитута и урегулировании разногласий, возникших при заключении указанного соглашения.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований собственника земельных участков отказал.

Суды исходили из того, что в результате реконструкции магистральных нефтепроводов путем возведения на земельных участках камер СОД не

возникает новый объект недвижимости, так как камеры СОД являются частью нефтепроводов. Таким образом, публичный сервитут в отношении земельных участков был установлен для эксплуатации неотъемлемой технологической части магистральных нефтепроводов федерального значения, право собственности на которые у общества возникло до 1 сентября 2018 г., следовательно, плата за такой публичный сервитут в соответствии с пунктом 4 статьи 3⁶ Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон о введении в действие ЗК РФ) не устанавливается. При этом суд отметил, что собственник земельных участков пропустил срок для направления предложения о заключении соглашения об осуществлении публичного сервитута на иных условиях (пункт 9 статьи 39³⁷ ЗК РФ), а также срок для обращения в суд с иском об урегулировании разногласий (пункт 2 статьи 446 ГК РФ).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Порядок установления публичного сервитута в отношении земельных участков и (или) земель для их использования в целях, предусмотренных статьей 39³⁷ ЗК РФ, срок публичного сервитута, условия его осуществления и порядок определения платы за такой сервитут устанавливаются главой V⁷ данного кодекса (пункт 18 статьи 23 ЗК РФ).

Из норм земельного законодательства, регулирующих порядок установления публичного сервитута и заключения соглашения об осуществлении публичного сервитута, не следует, что в случае ненаправления правообладателем земельного участка, в отношении которого установлен публичный сервитут, ответа на проект соглашения об осуществлении публичного сервитута либо его направление по истечении четырнадцатидневного срока (пункт 9 статьи 39⁴⁷ ЗК РФ) собственник данного участка утрачивает право на заключение соглашения об осуществлении публичного сервитута либо соглашение об осуществлении публичного сервитута считается заключенным на условиях, предложенных обладателем публичного сервитута.

Таким образом, специальными нормами, регулирующими правила заключения соглашения об осуществлении публичного сервитута, не установлены пресекательные сроки для заключения сторонами такого соглашения, в том числе в судебном порядке.

Правовые последствия неподписания правообладателем земельного участка соглашения об осуществлении публичного сервитута в сроки, указанные в пунктах 9 и 10 статьи 39⁴⁷ ЗК РФ, заключаются в том, что обладатель публичного сервитута вправе осуществлять сервитут на условиях направленного им проекта, в том числе в части платы, до заключения сторонами соглашения об осуществлении сервитута (добровольно или по решению суда).

Кроме того, материалами дела подтверждено, что сооружение (камеры СОД) введено в эксплуатацию как самостоятельный объект, поставлено на государственный кадастровый учет с одновременной регистрацией на него права собственности общества. В результате строительных работ был создан новый объект, то есть ранее не существовавший на земельных участках. То обстоятельство, что данный объект задействован в целях эксплуатации магистральных нефтепроводов и стал частью производственно-технологического комплекса по транспортировке нефти, не подтверждает наличия у общества права на бесплатное осуществление сервитута в отношении участков, на которых этот объект возведен.

Положения пункта 3 статьи 3⁶ Закона о введении в действие ЗК РФ о бесплатном осуществлении сервитута в отношении земель, на которых расположены линейные объекты, возведенные до 1 сентября 2018 г., не позволяют сделать вывод о возможности их применения в том случае, когда при изменении, увеличении протяженности линейного объекта, его реконструкции, дополнении новыми частями необходимо использование новых земельных участков, то есть ранее не занятых такими объектами.

Кроме того, приказом уполномоченного органа публичный сервитут на земельные участки установлен для эксплуатации исключительно указанного сооружения – камер СОД, а не магистрального нефтепровода.

Определение № 306-ЭС25-1735

Практика применения градостроительного законодательства

20. При предъявлении требования к уполномоченному органу о согласовании перевода индивидуального жилого дома в нежилое здание заявитель должен указать цель его дальнейшего использования и представить доказательства соответствия объекта требованиям законодательства в зависимости от предполагаемого назначения.

Администрация муниципального образования отказала индивидуальному предпринимателю в согласовании перевода принадлежащих ему на праве собственности индивидуальных жилых домов в нежилые здания в связи с отсутствием в предоставленном пакете документов заключения экспертизы проектной документации.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования индивидуального предпринимателя удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Предпринимателю на праве собственности принадлежат два жилых дома, расположенных на едином земельном участке с видом разрешенного использования «под индивидуальное жилищное строительство» в территориальной зоне застройки малоэтажными жилыми домами.

Указанные объекты были введены в гражданский оборот в 2010 году в упрощенном порядке, предусмотренном действовавшей в тот период статьей 25³ Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», лишь на основании кадастровых паспортов в отсутствие какой-либо разрешительной документации.

Действующим в настоящее время законодательством также предусмотрен упрощенный порядок введения в гражданский оборот индивидуальных жилых домов, предназначенных для проживания граждан (пункт 1¹ части 17 статьи 51, статья 51¹ ГрК РФ).

При этом отсутствие в законодательстве требований о получении разрешения на строительство, подготовке проектной документации и проведении экспертизы этой документации при строительстве индивидуальных жилых домов не относится к объектам капитального строительства нежилого коммерческого назначения, для возведения которых градостроительным законодательством предусмотрен иной порядок – на основании разрешительной документации (статья 51 ГрК РФ).

Для получения разрешения на строительство объекта, выдаваемого уполномоченным органом, необходимы документы, перечисленные в части 7 статьи 51 ГрК РФ, в том числе документы, подтверждающие права застройщика на земельный участок с видом разрешенного использования, допускающим размещение объекта планируемого назначения, градостроительный план земельного участка, проектная документация, соответствующая требованиям, установленным градостроительным законодательством, положительное заключение экспертизы проектной документации.

Согласно техническим паспортам спорные здания имеют 4 этажа. В случае строительства таких зданий в качестве нежилых объектов требовалось бы получение разрешения на строительство с представлением проектной документации, получившей положительное заключение экспертизы.

Поскольку спорные здания возведены без подготовки разрешительной документации, то есть без контроля уполномоченных градостроительным законодательством органов, право собственности на них зарегистрировано как на жилые здания, при переводе таких объектов в нежилые здания требуется исследование вопроса о соответствии данных объектов строительным и градостроительным нормам, предъявляемым к нежилым объектам, с учетом их использования неограниченным кругом лиц.

Процедура перевода объектов индивидуального жилищного строительства в нежилые здания не должна являться способом обхода

предусмотренной законом процедуры возведения и введения в гражданский оборот объекта капитального строительства коммерческого назначения в упрощенном порядке под видом жилого дома, построенного изначально в качестве нежилого здания без соблюдения требований, предусмотренных ГрК РФ.

Исходя из положений жилищного и градостроительного законодательства при принятии решения о переводе жилого дома в нежилое здание на уполномоченный орган возложена обязанность проверить объект на соответствие требованиям законодательства в зависимости от предполагаемых целей его использования, и, поскольку данный орган будет нести ответственность за принятое решение, он вправе требовать от лица, обратившегося за переводом, представления документов, подтверждающих соответствие переводимых объектов строительным и градостроительным нормам и правилам.

При этом заявитель должен указать цель использования переводимого в нежилой фонд объекта, представить доказательства, подтверждающие проведение работ по реконструкции или переустройству объекта в соответствии с требованиями действующего законодательства, а также тот факт, что в результате проведения данных работ объект отвечает требованиям, предъявляемым к зданиям коммерческого использования с учетом указанного в заявлении предполагаемого вида использования нежилого здания.

Иной подход нарушает принцип равенства прав участников гражданского оборота, приведет к необоснованному освобождению лиц, построивших жилые дома по упрощенной процедуре, но имеющих намерение эксплуатировать их в качестве нежилых зданий, от соблюдения ряда процедур, необходимость которых предусмотрена законом для ввода в эксплуатацию нежилых зданий.

Предприниматель, обращаясь в администрацию с заявлениями о переводе жилых домов в нежилые, не указал цель использования нежилых зданий после перевода.

Отсутствие указания конкретной цели использования объекта после перевода не позволяет уполномоченному органу оценить соответствие данного объекта необходимым требованиям действующего законодательства, разрешить вопрос о необходимости реконструкции или перепланировки объекта для использования по соответствующему назначению.

Суды при рассмотрении данного спора не установили такие подлежащие исследованию обстоятельства, как действительное функциональное назначение спорных объектов, соответствие спорных объектов недвижимости с учетом цели их предполагаемого использования требованиям градостроительных, строительных, противопожарных норм и правил, не проверили, не создают ли данные объекты угрозу жизни и здоровью граждан при их использовании неопределенным кругом лиц в случае их перевода в нежилые объекты, не будут ли нарушены права

третьих лиц, в том числе смежных землепользователей, с учетом того, что спорные дома возводились в зоне застройки индивидуальными жилыми домами.

Определение № 306-ЭС25-218

Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

21. Для признания факта надлежащего исполнения правообладателем обязательств по договору коммерческой концессии необходимо установить, что состоялось реальное предоставление комплекса исключительных прав в том объеме, который предусмотрен договором.

Общество (правообладатель) и предприниматель (пользователь) заключили договор коммерческой концессии, согласно которому правообладатель предоставляет пользователю право использовать в своей предпринимательской деятельности комплекс исключительных прав. Во исполнение условий соглашения предприниматель перечислил обществу первоначальный взнос.

Впоследствии предприниматель направил обществу письмо с требованием исполнить обязательства по передаче во временное пользование товарного знака и секретов производства (ноу-хау) или расторгнуть договор и вернуть первоначальный взнос. Письмо не было получено адресатом и вернулось отправителю.

В связи с этим предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу о расторжении договора коммерческой концессии и взыскании уплаченного предпринимателем первоначального взноса.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что условием договора коммерческой концессии стороны подтвердили передачу комплекса исключительных прав при его подписании. В связи с этим ответчиком не допущено существенных нарушений обязательств. Кроме того, по условиям договора первоначальный взнос не подлежал возврату.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отличительным (существенным) признаком договора коммерческой концессии является предоставление правообладателем пользователю права на использование в предпринимательской деятельности не отдельных исключительных прав, принадлежащих правообладателю, а именно их комплекса.

В соответствии с условиями договора под комплексом исключительных прав, которые предоставляются пользователю в целях использования, понимается неисключительное право на товарный знак и неисключительное право на использование охраняемой коммерческой информации (ноу-хау).

Для констатации факта надлежащего исполнения обязательств по договору коммерческой концессии необходимо установить, что реальное предоставление комплекса исключительных прав состоялось в том объеме, который этим договором предусмотрен.

Между тем из принятых по делу судебных актов не усматривается, что суды дали надлежащую оценку доводам предпринимателя о том, что никакие секреты производства (ноу-хау) фактически обществом ему не передавались.

Пункт договора, которым стороны констатировали передачу истцу документации в момент подписания соглашения, сам по себе (без представления ответчиком доказательств реального исполнения договора до подачи иска в суд) не может являться подтверждением фактической передачи ответчиком предусмотренной договором документации, опосредующей секрет производства (ноу-хау), и не освобождает ответчика от необходимости фактического исполнения условий договора по передаче такой документации.

Кроме того, по смыслу пункта 3 статьи 1037 ГК РФ предоставление права использования товарного знака (в комплексе исключительных прав), как соответствующего средства индивидуализации товаров (услуг), относится к отличительным признакам договора коммерческой концессии, являясь существенным условием данной конструкции договора.

Товарный знак, передача права на использование которого была предусмотрена договором, не зарегистрирован и впоследствии не будет зарегистрирован, поскольку Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) уведомила об отказе в государственной регистрации товарного знака, указанного в договоре в качестве объекта передаваемого комплекса исключительных прав.

Между тем обстоятельства предоставления ответчиком права на использование товарного знака и исполнения возложенной на него пунктом 2 статьи 1031 ГК РФ обязанности обеспечить государственную регистрацию в Роспатенте предоставления права использования товарного знака в предпринимательской деятельности пользователя в нарушение приведенных положений закона и правовых подходов судами не были исследованы.

Отказывая во взыскании первоначального взноса, суды сослались на положение договора, в соответствии с которым он является невозвратным вне зависимости от фактического пользования пользователем предоставленными ему правами.

Однако суды не учли, что применение указанного условия договора возможно лишь, если правообладатель надлежащим образом исполнил свои

обязательства по договору, предоставив имущественное встречное исполнение.

Поскольку суды не установили, что реальное предоставление комплекса исключительных прав состоялось в том объеме, который этим договором предусмотрен, не мог быть констатирован факт надлежащего исполнения ответчиком обязательств по договору коммерческой концессии.

Определение № 305-ЭС25-3551

22. Использование товарного знака в адресной строке сайта не является нарушением исключительного права на товарный знак, если такие действия не направлены на индивидуализацию товаров (услуг) и не возникает вероятность смешения товаров, принадлежащих истцу и ответчику, или оказываемых ими услуг.

После прекращения действия лицензионного договора предприниматель (правообладатель исключительного права на товарный знак) выявил факт незаконного использования обществом товарного знака на страницах сайта (в адресной строке) и обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании компенсации за использование товарного знака.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворил частично. Суды исходили из доказанности факта нарушения обществом исключительного права предпринимателя на товарный знак.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно подпункту 5 пункта 2, пункту 3 статьи 1484 ГК РФ никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения, в частности путем размещения в сети «Интернет», в том числе в доменном имени и при других способах адресации, в отношении товаров по перечню регистрации товарного знака или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.

Как разъяснено в пункте 157 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», исходя из пункта 1 статьи 1477 и статьи 1484 ГК РФ использованием товарного знака признается его использование для целей индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Следовательно, само по себе упоминание обозначения, входящего в объем правовой охраны товарного знака, не является квалифицирующим признаком нарушения исключительного права.

Главным критерием, очерчивающим пределы свободного использования спорного обозначения, служит категория смешения, нарушающая ассоциативную связь товара (услуги) и их коммерческого источника. Правообладатель не вправе ограничивать употребление образующих товарный знак словесных элементов в их общепринятом значении, при описании характеристики товара (услуги), в письменных публикациях, устной речи и другим способом, если такое использование не раскрывает различительную способность обозначения, не выделяет одного участника рынка среди других и не создает конкурентного преимущества.

При определении использования товарного знака для цели индивидуализации следует учитывать, каким образом размещено спорное обозначение (размер, контекст), указание собственных товарных знаков для индивидуализации товаров (услуг) наряду со спорным обозначением, умысел воспользоваться репутацией иного хозяйствующего субъекта, риск введения потребителя в заблуждение относительно связи лица, применяющего спорное обозначение, с правообладателем товарного знака.

В рассматриваемом случае суды признали, что наличие товарного знака в адресной строке страниц сайта общества, на котором осуществляется реализация товаров (услуг), однородных товарам (услугам) предпринимателя, выступает безусловным доказательством использования товарного знака.

Однако данный вывод противоречит приведенным положениям действующего законодательства.

В соответствии с вышеизложенным правовым подходом в случае установления сходства воспроизведенного обществом обозначения с товарным знаком предпринимателя судам также надлежало выяснить, предназначен ли избранный обществом способ адресации для продвижения собственных товаров (услуг) и может ли у потребителя под воздействием конкретного содержания страниц сайта общества возникнуть впечатление о принадлежности его предпринимателю или об отношении к нему названного сетевого ресурса.

Ответчик ссылаясь на то, что его коммерческий интерес не связан с намерением воспользоваться отличительной функцией спорного товарного знака. По мнению общества, данное обстоятельство подтверждается отсутствием в материалах дела доказательств использования охраняемого обозначения непосредственно на сайте, наполнение которого способно повлиять на перераспределение потребительского спроса в пользу ответчика.

Обжалуемые судебные акты не содержат мотивированного отклонения приведенных доводов, что свидетельствует о неполном исследовании обстоятельств использования товарного знака именно для целей индивидуализации товаров (услуг) вопреки требованиям статей 65, 71, 168 АПК РФ.

Суды не учли, что потребитель, ориентируясь на ключевые слова при введении поискового запроса в сети «Интернет», ожидает получить адреса наиболее релевантных веб-ресурсов и лишь после ознакомления с сайтом формирует представление о деятельности его владельца. Параметры адресной строки не позволяют однозначно идентифицировать, упомянут ли словесный элемент в качестве средства информирования или средства индивидуализации. В связи с этим должен быть проведен анализ того, способствует ли привлечению обществом покупателей использование спорного обозначения.

В принятых по делу судебных актах не поименованы доказательства того, что переход пользователя на спорные страницы сайта способен вызвать смешение товаров (услуг) предпринимателя и общества.

На возникновение угрозы смешения влияет степень осведомленности потребителя о присутствии обозначения, сходного с товарным знаком, на рынке аналогичных товаров (услуг). Соответственно, решающее значение для правильного разрешения данного спора имело исследование доводов общества о недоступности потребителям названных страниц сайта при спецификации поисковой выборки веб-ресурсов касаясь ключевого слова товарного знака.

При этом действия, не направленные на индивидуализацию товаров и услуг, в результате которых не возникает вероятность смешения обозначений, нарушением исключительного права на товарный знак не являются, даже если такие действия прямо поименованы в пункте 2 статьи 1484 ГК РФ.

Определение № 304-ЭС25-1782

23. Срок исковой давности по требованию о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в связи с недействительностью договора о его отчуждении начинает течь с момента, когда истцу должно было стать известно о негативных последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Между компанией (правообладатель) и обществом был заключен договор об отчуждении исключительных прав на товарные знаки, который впоследствии был признан судом недействительным.

После оспаривания договора компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании компенсации за незаконное использование товарных знаков за период до применения последствий недействительности сделки. Ответчик против удовлетворения иска возражал, заявил о применении исковой давности.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворил частично. Суды исходили из того, что срок исковой давности компанией не пропущен, поскольку исчислили его с момента вступления

в законную силу судебного акта о признании договора недействительным.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Срок исковой давности установлен для судебной защиты права лица, поэтому по общему правилу этот срок начинает исчисляться не ранее того момента, когда соответствующее право объективно было нарушено (статья 195, пункт 1 статьи 200 ГК РФ). При исчислении трехлетнего срока исковой давности также учитывается, знал или должен был знать истец о допущенном нарушении, то есть возможность его субъективного знания о фактах, порождающих требование к ответчику.

Следовательно, исчисление срока исковой давности по заявленному требованию может быть поставлено в зависимость от даты вступления в законную силу решения суда о признании договора об отчуждении исключительных прав на товарные знаки недействительным, лишь при условии, что вынесение соответствующих судебных актов обусловило осведомленность компании о незаконном использовании товарных знаков обществом.

Обращаясь с заявлением о признании недействительным договора и ссылаясь впоследствии на необходимость привлечения общества к ответственности в виде выплаты компенсации за использование товарных знаков, компания действовала в защиту одного и того же интереса – исключительных прав на средства индивидуализации, а потому, получив сведения о наличии пороков договора, истец с этого же дня должен был осознавать факт нарушения ответчиком исключительных прав на товарные знаки.

Подаче в суд иска о признании договора недействительным предшествовала его подготовка по мотивам несогласия с регистрацией перехода исключительного права на товарные знаки.

Сам факт инициирования компанией судебного процесса о восстановлении нарушенного права указывает на то, что истец значительно раньше владел информацией о посягательствах ответчика и принимал меры по их устранению.

В связи с этим является неверным определение момента начала течения срока исковой давности исходя из даты принятия судебного акта о недействительности договора без учета раскрытых перед судом иных сведений о выявлении компанией фактов нарушения своего права.

Суды безосновательно полагали, что последовательность споров (об оспаривании договора и о взыскании компенсации) влияет на начало течения срока исковой давности. Если для удовлетворения иска по второму делу необходимо решение по первому делу, то рассмотрение первого спора не приостанавливает давность по второму, поскольку истец имеет возможность подать иск о взыскании компенсации и заявить ходатайство

о его приостановлении до рассмотрения заявления о недействительности договора. Иных обстоятельств, свидетельствующих о лишении компании возможности прибегнуть к предусмотренному законом компенсаторному механизму защиты до завершения производства по делу о признании договора об отчуждении исключительных прав на товарные знаки недействительным, судами не выявлено.

При этом моменты получения истцом информации об определенных действиях ответчика (в частности, о заключении недействительного договора) и о нарушении этими действиями прав истца могут не совпадать. При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня, когда истцу стало известно о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Определение № 305-ЭС25-4071

Применение законодательства о банках и банковской деятельности

24. Денежные средства, списанные банком на основании исполнительных документов в период действия отсрочки их уплаты, не могут быть квалифицированы в качестве убытков.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к банку о взыскании убытков, причиненных незаконным списанием денежных средств по предъявленным исполнительным листам.

Общество ссылалось на то, что банком в нарушение положений постановления Правительства Российской Федерации от 26 марта 2022 г. № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» (далее – постановление № 479) необоснованно произведено списание неустоек, штрафов по исполнительным листам в размере 2 130 279 руб., в том числе 2 041 710 руб., в части которых постановлением № 479 была предоставлена отсрочка исполнения до 30 июня 2023 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты в части взыскания с банка в пользу общества 2 041 710 руб. и отказала в указанной части в удовлетворении иска в связи со следующим.

В соответствии с пунктом 1 постановления № 479 с учетом изменений, внесенных постановлениями Правительства Российской Федерации от 17 мая

2022 г. № 810, от 1 сентября 2022 г. № 1534 и от 30 сентября 2022 г. № 1732, в период начисления неустойки (пени) по договорам участия в долевом строительстве, предусмотренной частью 6 статьи 5 и частью 2 статьи 6, в том числе указанные в части 9 статьи 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ), не включается период, исчисляемый со дня вступления в силу постановления № 479 (29 марта 2022 г.) до 30 июня 2023 г. включительно.

За период до 29 марта 2022 г. неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции начисляются, но до 30 июня 2023 г. включительно предоставлялась отсрочка их уплаты.

Указанные требования в силу постановления № 479 в период отсрочки не исполняются банками или иными кредитными организациями, осуществляющими обслуживание счетов застройщика.

За период до 29 марта 2022 г. неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции начисляются и соответственно могут быть взысканы судом, однако с предоставлением отсрочки их уплаты до 30 июня 2023 г.

Сторонами не оспаривается, что указанные в судебных актах суммы взысканы с общества как застройщика в пользу участников долевого строительства в рамках Закона № 214-ФЗ.

В части неустоек и штрафа в сумме 2 041 710 руб. за период до 29 марта 2022 г. обществу предоставлена отсрочка уплаты до 30 июня 2023 г. Денежные средства списаны банком со счета общества до указанной даты. Обществом же заявлен иск о взыскании с банка убытков.

В соответствии с пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков.

Согласно пункту 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками.

Обществом не представлены доказательства несения убытков, неясно, из чего складывается сумма убытков, расчет заявленных сумм убытков не представлен.

Между тем денежные средства, списанные с общества банком в сумме 2 041 710 руб. преждевременно (в период действия отсрочки исполнения судебных актов), не подлежат квалификации в качестве причиненных обществу убытков, поскольку застройщик не освобожден от обязанности эти суммы уплатить, ему предоставлена лишь отсрочка исполнения.

Таким образом, в силу обязательности исполнения вступивших в законную силу судебных актов и исполнительных документов денежные средства после 30 июня 2023 г. подлежали перечислению взыскателям.

Определение № 305-ЭС25-2331

Применение законодательства о государственном оборонном заказе

25. Требование антимонопольного органа о взыскании с хозяйствующего субъекта причиненного им ущерба является реализацией механизма, направленного на компенсацию потерь бюджета в результате неправомерных действий указанного лица, и по своей правовой природе не аналогично требованию о взыскании убытков в порядке статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В рамках исполнения государственного оборонного заказа предприятием с обществом заключен договор на выполнение строительно-монтажных работ. В свою очередь общество закупило у компании необходимое оборудование, оплата поставки осуществлена за счет бюджетных средств.

По результатам проверки деятельности общества антимонопольный орган вынес предписание о возложении на него обязанности по возмещению ущерба бюджету Российской Федерации в связи с нарушением части 3 статьи 8 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон № 275-ФЗ). По мнению антимонопольного органа, включение обществом в схему поставки оборудования компании (перепродавца) повлекло завышение цены по договору, что свидетельствует о допущенном им нарушении запретов, установленных положениями статьи 8 Закона № 275-ФЗ. Общество не изучило коммерческие предложения от прямых поставщиков и проигнорировало требования, установленные Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1465.

Вступившими в законную силу судебными актами арбитражных судов подтверждены факты нарушения обществом требований Закона № 275-ФЗ.

В связи с неисполнением обществом в добровольном порядке указанного предписания антимонопольный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с общества сумм в возмещение ущерба бюджету Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды пришли к выводу, что фактически антимонопольный орган требует взыскать с общества убытки по действующему контракту.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования антимонопольного органа, указав следующее.

При проведении контрольных мероприятий в соответствии с положениями Закона № 275-ФЗ антимонопольные органы выполняют функции, предусмотренные данным законом, в том числе осуществление в пределах своей компетенции государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства в сфере государственного оборонного заказа (пункт 1 статьи 15¹), выявление нарушений законодательства в сфере государственного оборонного заказа, принятие мер по их прекращению и привлечение к ответственности за такие нарушения (пункт 2 статьи 15¹), обеспечение защиты публичных интересов Российской Федерации при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа (пункт 4 статьи 15¹).

Таким образом, контрольные мероприятия в отношении общества явились следствием выполнения антимонопольным органом функций, возложенных на него Законом № 275-ФЗ.

Следовательно, с момента вступления в законную силу судебных актов, которыми признано законным предписание антимонопольного органа, в спорных правоотношениях наступила правовая определенность, а факт причинения ущерба бюджету Российской Федерации указанным юридическим лицом считается установленным.

Подпунктами «в» и «г» пункта 2 части 1 статьи 15² Закона № 275-ФЗ установлено, что контролирующий орган выдает обязательные для исполнения предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа, а также средств по возмещению ущерба, причиненного Российской Федерации в результате указанных нарушений.

Данная мера (взыскание в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения) по основаниям и процедуре применения, а также по своим правовым последствиям является специфической формой принудительного воздействия на участников общественных отношений. Она призвана обеспечить восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в

результате злоупотреблений, и компенсировать таким образом не подлежащие исчислению расходы государства, связанные с устранением негативных социально-экономических последствий нарушения.

Одним из способов реализации антимонопольным органом своих полномочий является обращение в суд с исками и заявлениями о нарушении законодательства в сфере государственного оборонного заказа (пункт 5 части 1 статьи 15² Закона № 275-ФЗ).

Таким образом, заявление антимонопольным органом требования о взыскании с общества причиненного им ущерба является реализацией механизма, направленного на компенсацию потерь бюджета, и по своей правовой природе не аналогично, вопреки выводам судов, требованию о взыскании убытков в порядке статьи 15 ГК РФ.

Учитывая тот факт, что предписание антимонопольного органа было признано законным, действия общества получили судебную оценку, следовательно, противоположный вывод судов об отсутствии оснований для возложения на общество обязанности по возмещению бюджету потерь в заявленном антимонопольным органом размере привел к возникновению правовой неопределенности и конкуренции судебных актов в части оценки одних и тех же фактов, что является недопустимым и фактически исключает исполнимость решения суда и предписания антимонопольного органа.

Определение № 305-ЭС25-3325

Применение законодательства о налогах и сборах

26. В отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, но используемых в предпринимательской деятельности, пониженная ставка земельного налога не применяется.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными действий налогового органа, выразившихся в требовании уплатить земельный налог за 2022 год по ставке 1,5 %, а также недействительным отказа налогового органа в применении ставки земельного налога 0,3 %.

Указанный налог по ставке 1,5 % был исчислен налоговым органом в отношении земельных участков с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства», находящихся в собственности индивидуального предпринимателя, но переданных им в аренду обществу в целях обеспечения жизнедеятельности населенного пункта и эксплуатации жилищного фонда (в рамках заключенного между обществом и администрацией муниципального района соглашения об инвестировании).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования предпринимателя удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявления предпринимателя, отметив следующее.

В абзаце третьем подпункта 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ указано, что налоговые ставки устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и не могут превышать 0,3 % в отношении земельных участков, занятых жилищным фондом и объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса (за исключением доли в праве на земельный участок, приходящейся на объект, не относящийся к жилищному фонду и к объектам инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса) или приобретенных (предоставленных) для жилищного строительства (за исключением земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, используемых в предпринимательской деятельности).

В отношении земельных участков, не указанных в подпункте 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ, налоговые ставки по налогу не могут превышать 1,5 % (подпункт 2 пункта 1 статьи 394 НК РФ).

Из приведенных положений законодательства следует, что при разрешении вопроса о правомерности применения той или иной ставки земельного налога подлежит установлению категория земельного участка и вид разрешенного использования земельного участка, поскольку от указанных обстоятельств зависит возможность извлечения выгоды (экономической ренты) от использования земли в том или ином размере в обычных условиях оборота.

Если использование земельного участка отвечает требованиям его целевого использования, то ставка налога в отношении этого земельного участка применяется исходя из вида целевого использования, указанного в правоустанавливающих (кадастровых) документах.

Вместе с тем в случае возникновения спора для применения пониженной ставки налога необходимо доказать не только отнесение земельных участков к землям, для которых законодателем установлена пониженная ставка земельного налога (0,3 %), но и фактическое использование этих земельных участков по целевому назначению.

Кроме того, подпунктом «а» пункта 75 статьи 2 Федерального закона от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» из сферы действия абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 394 НК РФ исключены земельные участки, приобретенные (предоставленные) для индивидуального жилищного строительства, используемые в предпринимательской деятельности.

Соответственно, в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для возведения объектов индивидуального жилищного строительства (пункт 39 статьи 1 ГрК РФ), воля законодателя направлена на предоставление государственной поддержки непосредственно гражданам, которым приобретенные (предоставленные) для индивидуального жилищного строительства земельные участки принадлежат на соответствующем праве, осуществляющим строительство для удовлетворения собственных нужд, связанных с проживанием.

Коммерческие организации исключены из числа субъектов, которые вправе применять пониженную ставку налога в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, даже в случаях, когда они осуществляют возведение объектов индивидуального жилищного строительства на принадлежащих им участках для реализации построенных объектов гражданам.

Следовательно, налогоплательщики не вправе применять пониженную ставку налога в случаях, когда они не имеют намерения приступить к индивидуальному жилищному строительству, но используют соответствующие земельные участки в своей предпринимательской деятельности как активы, рассчитывая на получение прибыли от их реализации либо на использование земельных участков в качестве объектов залога (ипотеки) и т. п.

Как следует из установленных судами обстоятельств и подтверждается материалами дела, характер сделок с имуществом, а именно приобретение единого земельного участка с последующим разделением его на множество земельных участков, переоформление разрешенного вида использования земельных участков на вид разрешенного использования «индивидуальное жилищное строительство», количество земельных участков, которое объективно не может быть использовано для личных нужд, использование земельных участков при заключении соглашения об инвестировании в целях развития территории населенного пункта, свидетельствуют именно о предпринимательской цели использования земельных участков.

При этом заявитель, являясь собственником земельных участков, не использует их в какой-либо хозяйственной деятельности (владеет активом). В свою очередь, общество, реализующее инвестиционную программу, правом собственности на земельные участки не обладает и является коммерческой организацией.

Наряду с этим доказательств нахождения на земельных участках жилищного фонда или объектов инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса в 2022 году материалы дела не содержат.

С учетом изложенного, поскольку земельные участки не осваиваются для обеспечения жизнедеятельности населенного пункта и эксплуатации жилищного фонда, их предназначение для данных целей не может

подтверждать право на обложение земельным налогом с применением пониженной налоговой ставки.

Определение № 309-ЭС25-172

27. Налогоплательщик вправе принять к вычету сумму налога на добавленную стоимость, уплаченную за товары при их ввозе на таможенную территорию, если товары были ему безвозмездно переданы иностранным поставщиком для целей гарантийного ремонта.

На основании заключенных с обществом контрактов на покупку оборудования иностранный поставщик осуществил безвозмездную поставку запасных частей для замены дефектных деталей оборудования в рамках его гарантийного обслуживания. Общество при ввозе этих запасных частей на таможенную территорию уплатило налог на добавленную стоимость (далее – НДС) и включило его в состав налоговых вычетов (заявило к возмещению).

Налоговый орган отказал обществу в возмещении суммы НДС, предложил уплатить недоимку, а также внести необходимые изменения в документы бухгалтерского и налогового учета.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу, что налогоплательщиком не выполнены предусмотренные статьями 171 и 172 НК РФ условия для применения налоговых вычетов по ввезенным спорным запасным частям: запчасти продавцом фактически не поставлялись (договоры купли-продажи не заключались), стоимость спорных деталей иностранным продавцом к оплате обществу не предъявлялась, а осуществлялось исполнение ранее заключенных четырех контрактов в части гарантийных обязательств продавца перед покупателем по замене дефектных деталей (то есть продавец безвозмездно устранил недостатки поставленного оборудования).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявление общества в связи со следующим.

Согласно пункту 1 статьи 38 НК РФ объектом налогообложения является реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога.

Ввоз товаров на территорию Российской Федерации выделен в качестве самостоятельного объекта налогообложения по НДС (подпункт 4 пункта 1 статьи 146 НК РФ).

При этом действующее законодательство не предусматривает особенностей исчисления или освобождения от НДС на таможне в отношении товаров, ввозимых взамен бракованных без дополнительной оплаты поставщику. Таким образом, при ввозе безвозмездно передаваемых для замены деталей для целей взимания ввозного НДС эти детали признаются товарами.

На основании положений пункта 2 статьи 171 и пункта 1 статьи 172 НК РФ суммы НДС, уплаченные налогоплательщиком при ввозе товаров на территорию Российской Федерации в таможенных процедурах выпуска для внутреннего потребления, переработки для внутреннего потребления, временного ввоза и переработки вне таможенной территории, подлежат вычетам в случае использования этих товаров для осуществления операций, облагаемых НДС, после принятия их на учет и при наличии документов, подтверждающих фактическую уплату сумм налога при ввозе товаров на территорию Российской Федерации. При этом условий о том, что ввозимый товар должен быть оплачен налогоплательщиком для возможности принятия им к вычету таможенного НДС, НК РФ не содержит.

Таким образом, НДС, уплаченный при ввозе спорных деталей, может быть принят к вычету при соблюдении общих условий, предусмотренных статьями 171 и 172 НК РФ, а именно: 1) фактическое перемещение товаров через таможенную границу Российской Федерации, 2) уплата налога таможенными органами, 3) принятие импортированных товаров к учету, 4) приобретение товара либо для осуществления деятельности, облагаемой НДС (подпункт 1 пункта 2 статьи 171 НК РФ), либо для перепродажи (подпункт 2 пункта 2 статьи 171 НК РФ).

Общество в ходе рассмотрения дела указывало на выполнение им вышеуказанных условий для применения вычета по НДС: запасные части ввезены на территорию Российской Федерации в таможенном режиме выпуска для внутреннего потребления, НДС уплачен в полном объеме за счет собственных средств налогоплательщика, запасные части приняты налогоплательщиком на учет и предназначены для осуществления деятельности, облагаемой НДС.

Общество также сообщало, что запасные части предназначены для осуществления операций, облагаемых НДС, а именно: используются в ремонте оборудования, непосредственно участвующего в производственной деятельности (производстве фанеры, которая затем направляется на продажу). Спорные запасные части списаны обществом на ремонт оборудования, что подтверждено документально и не оспаривалось налоговым органом.

При указанных обстоятельствах выводы судов о невыполнении обществом предусмотренных статьями 171 и 172 НК РФ условий для применения налоговых вычетов по ввезенным запасным частям не могут быть признаны правомерными.

28. Соразмерность уменьшения стоимости поставленного некачественного товара должна определяться с учетом суммы налога на добавленную стоимость.

Между покупателем и поставщиком заключен договор поставки угольного концентрата, которым предусмотрено право покупателя требовать от поставщика соразмерного уменьшения стоимости поставленного товара по показателю стандартного отклонения при превышении значения 1,10–10 % от цены товара. В приложении к договору стороны согласовали качественные характеристики товара, в соответствии с которыми показатель стандартного отклонения должен быть не более 0,10 %.

Пробы поставленного товара, оплаченного покупателем в полном объеме с учетом НДС, выявили наличие отклонений в показателях качества угольного концентрата, в результате чего покупатель направил поставщику претензию с рассчитанной суммой соразмерного уменьшения стоимости товара, в том числе сумму НДС.

Отказ поставщика в удовлетворении претензии явился основанием для обращения покупателя в арбитражный суд с исковым заявлением о взыскании суммы соразмерного уменьшения стоимости угольного концентрата.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, исковые требования частично удовлетворены, с поставщика в пользу покупателя взыскана сумма соразмерного уменьшения стоимости товара без учета НДС.

Суды исходили из того, что покупатель вправе требовать соразмерного уменьшения стоимости товара, поскольку поставщик обязательство по поставке угольного концентрата выполнил ненадлежащим образом. Полученный при приемке и исследовании качества угля показатель стандартного отклонения в размере 0,101 % превышает показатель 0,10 %, который является максимальным значением по условиям договора.

Суды также отметили, что, отгрузив товар в адрес покупателя, поставщик полностью уплатил сумму НДС в бюджет, а покупатель, оплатив товар, полностью возместил сумму НДС из бюджета. Взыскивая договорную скидку с суммой НДС, покупатель, по сути, вторично получит сумму НДС, а поставщик дважды ее уплатит, в связи с чем заявленные требования подлежат удовлетворению без учета суммы НДС.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты в части отказа в удовлетворении заявленных требований и взыскала с поставщика в пользу покупателя сумму НДС, обратив внимание на следующее.

В силу пункта 1 статьи 475 ГК РФ, если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца: 1) соразмерного

уменьшения покупной цены; 2) безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок; 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков товара.

Стороны договора избрали вариант соразмерного уменьшения покупной цены. Поскольку качество спорного угольного концентрата, поставленного по договору, признано судами ненадлежащим, первоначально согласованная цена поставленного товара подлежала уменьшению на сумму соразмерного уменьшения стоимости товара, в том числе сумму НДС.

Пункт 2 статьи 153 НК РФ предусматривает, что при определении налоговой базы по НДС выручка от реализации товаров (работ, услуг), передачи имущественных прав определяется исходя из всех доходов налогоплательщика, связанных с расчетами по оплате указанных товаров (работ, услуг), имущественных прав, полученных им в денежной и (или) натуральной формах, включая оплату ценными бумагами.

В силу пункта 1 статьи 154 НК РФ налоговая база по НДС при реализации налогоплательщиком товаров (работ, услуг), если иное не предусмотрено данной статьей, определяется как стоимость этих товаров (работ, услуг), исчисленная исходя из цен, определяемых в соответствии со статьей 105³ НК РФ, с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения суммы налога.

Согласно пункту 4 статьи 166 НК РФ общая сумма НДС исчисляется по итогам каждого налогового периода с учетом всех изменений, увеличивающих или уменьшающих налоговую базу в этом налоговом периоде. Уменьшение стоимости поставленного товара влечет необходимость изменения налоговой базы по НДС у поставщика и сумм налоговых вычетов по НДС у покупателя.

Соответственно, уменьшение цены поставленного товара, поскольку первоначальная цена была оплачена покупателем полностью, предполагало необходимость уплаты продавцом покупателю суммы соразмерного уменьшения стоимости товара без исключения из нее суммы НДС, так как указанный налог не имеет значения для решения вопроса о рассматриваемой коррекции цены договора.

Определение № 305-ЭС25-115

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

29. Действия виновного, связанные с удержанием потерпевшего в процессе непосредственного применения другим лицом насилия, направленного на лишение жизни, квалифицируются как соисполнительство в убийстве.

По приговору Московского городского суда от 15 июня 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ю., ранее судимый, осужден по пунктам «а», «в», «ж», «к» части 2 статьи 105, части 3 статьи 30, части 1 статьи 158 УК РФ.

По этому же приговору осужден С.

В кассационной жалобе и дополнениях к ней осужденный Ю. выражал несогласие с оценкой его действий как соисполнителя убийства К.А., поскольку он держал потерпевшего, чтобы тот успокоился. С. душил потерпевшего один, осужденный Ю. не видел этих действий, а также нанесения С. ударов ножом. Ю. просил квалифицировать его действия с применением части 5 статьи 33 УК РФ как пособника в убийстве К.А. Кроме того, Ю. утверждал, что не принимал участия в убийстве К.Г., на ноги которой облокотился случайно в тот момент, когда С. ее душил.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя приговор и апелляционное определение в отношении Ю. без изменения, указала следующее.

Из показаний Ю. на предварительном следствии следует, что во время конфликта между С. и потерпевшим К.А. он решил помочь С. Они (С. и Ю.) прижали К.А. спиной к полу, после чего Ю. стал удерживать ноги, а С. сел сверху на потерпевшего и продолжил наносить тому удары, в процессе которых был слышен звук раскрытия канцелярского ножа. После нанесения ударов К.А. перестал подавать признаки жизни. Утром пришла К.Г., стала кричать, С. сбил ее с ног, сел сверху и стал душить проводом, а Ю. закрыл входную дверь и стал удерживать ноги К.Г., пока последняя не перестала подавать признаки жизни.

Вопреки доводам, изложенным в кассационной жалобе, виновность Ю. в лишении жизни К.А. подтверждается показаниями осужденного С., согласно которым в ходе конфликта С. нанес К.А. несколько ударов ножом в область шеи и рук, в то время как Ю. держал К.А. за ноги.

По поводу убийства К.Г. осужденный С. также дал показания об участии его и Ю. в лишении ее жизни.

Давая юридическую оценку действиям Ю., суд правильно указал, что в обоих случаях он присоединился к действиям С. и совершил в отношении К.А. и К.Г. действия, сопряженные с насилием (удержание каждого из потерпевших), в то время как его соучастник непосредственно применял насилие, направленное на лишение жизни.

Такие действия квалифицируются как действия соисполнителя, а не пособника.

Согласно разъяснениям, данным в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства,

непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения).

Квалификация действий, совершенных Ю., надлежащим образом мотивирована в приговоре, соответствует уголовному закону и приведенной правовой позиции.

Определение № 5-УД24-31-А1

30. Лицо, совместно проживающее с другим лицом и не состоящее с ним в зарегистрированном браке, не освобождается от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 316 Уголовного кодекса Российской Федерации за заранее не обещанное укрывательство преступлений, совершенных этим лицом.

По приговору Московского городского суда от 1 марта 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Н. осуждена по статье 316 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), по части 5 статьи 33, пунктам «а», «в» части 3 статьи 158 УК РФ.

По этому же приговору осужден К. по пункту «а» части 2 статьи 105, пунктам «а», «в» части 3 статьи 158 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденная Н. оспаривала приговор, считая его незаконным. В частности, обращала внимание, что не сообщила о совершенном К. преступлении (убийстве двух лиц), поскольку он являлся ее фактическим супругом, в связи с чем она не обязана свидетельствовать против него.

Отвечая на данный довод кассационной жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила следующее.

Судами первой и апелляционной инстанций не установлено оснований для освобождения Н. от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 316 УК РФ, согласно которому лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. Из материалов дела усматривается, что К. и Н. не были близкими родственниками, не состояли в зарегистрированном браке, а следовательно, не являлись супругами, поскольку в Российской Федерации признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния (пункт 2 статьи 1 СК РФ).

При таких обстоятельствах действие примечания к статье 316 УК РФ на осужденную не распространяется.

Определение № 5-УД23-106-А1

31. Ответственность по статье 159¹ Уголовного кодекса Российской Федерации наступает в случае совершения умышленных действий, направленных на хищение денежных средств заемщиком путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений банку или иному кредитору, к каковым не относятся микрофинансовые организации.

По приговору мирового судьи судебного участка № 2 Курского района Ставропольского края от 28 ноября 2022 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, З., ранее не судимая, осуждена за каждое из двух преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 159¹ УК РФ, к штрафу в размере 8000 руб., на основании части 2 статьи 69 УК РФ ей назначено окончательное наказание в виде штрафа в размере 12 000 руб.

В кассационной жалобе З. просила об отмене всех состоявшихся судебных решений и о постановлении оправдательного приговора, поскольку судами первой и апелляционной инстанций не установлены обстоятельства дела, подлежащие доказыванию, в частности наличие у нее умысла на хищение денежных средств, представление ею заведомо ложных и недостоверных сведений о доходах. Отмечала, что у нее имелся интернет-магазин одежды, однако запрос о ее работе был направлен в другой магазин. Полагала, что принятие ею мер по исполнению обязательств путем заключения дополнительных соглашений и уплаты единовременных платежей по каждому микрозайму указывает на отсутствие у нее умысла на хищение денежных средств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив материалы дела, указала следующее.

Признавая З. виновной в мошенничестве в сфере кредитования и квалифицируя ее действия по части 1 статьи 159¹ УК РФ, суд установил, что З., имея умысел на хищение денежных средств ООО Микрокредитная компания «К.» и ООО Микрокредитная компания «Т.» путем представления заведомо ложных и недостоверных сведений, из корыстных побуждений, оформила 24 марта и 11 апреля 2022 г. в сети «Интернет» заявки на получение потребительских займов в размере 19 000 руб. и 10 000 руб. сроком на 30 дней, не намереваясь изначально их погашать в силу своего материального положения, так как нигде не работала и постоянного, стабильного источника дохода не имела.

По смыслу закона, ответственность за мошенничество наступает, если доказано наличие прямого умысла на хищение путем обмана или злоупотребления доверием.

Однако нижестоящие суды не проверили доводы З. об отсутствии у нее умысла на хищение денежных средств и представление заведомо ложных и недостоверных сведений о доходах.

Кроме того, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», кредитором в статье 159¹ УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (статья 819 ГК РФ).

Согласно статье 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные названным Федеральным законом.

В пункте 11 статьи 76¹ Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» прямо указано, что микрофинансовые организации признаются некредитными финансовыми организациями.

Как следует из устава ООО Микрокредитная компания «К.» и устава ООО Микрокредитная компания «Т.», указанные компании осуществляют деятельность в соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Таким образом, З. обращалась в вышеуказанные компании с заявками на получение потребительских займов, а не кредитов, осужденной были заключены договоры потребительского займа, и ей были предоставлены микрозаймы в размерах 19 000 руб. и 10 000 руб. под 365 % годовых.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные решения в отношении З., уголовное дело прекратила на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления.

Определение № 19-УД24-12-К5

Назначение наказания

32. Если окончательное наказание назначается по правилам статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации, то суду при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы необходимо указать срок этого вида наказания, возложить обязанности, установить ограничения как на основании частей 2, 4 статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, так и при назначении наказания по совокупности приговоров.

По приговору Магаданского городского суда Магаданской области от 28 апреля 2022 г. Р. (судимый: 22 июня 2017 г. по пунктам «а», «г» части 2 статьи 161 УК РФ на основании статей 74, 70 УК РФ к 2 годам 1 месяцу лишения свободы, постановлением от 18 октября 2018 г. неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работами на срок 6 месяцев 17 дней с удержанием 10 % из заработной платы в доход государства, освобожден 29 декабря 2018 г. по отбытии наказания; 7 октября 2021 г. по части 1 статьи 166 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года) осужден по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 2 годам 2 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на срок 6 месяцев, по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы с ограничением свободы на срок 6 месяцев, по части 2 статьи 159 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на срок 6 месяцев.

В соответствии с частями 2, 4 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года с ограничением свободы на срок 1 год.

На основании части 4 статьи 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 7 октября 2021 г.

В соответствии со статьей 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено наказание, не отбытое по приговору от 7 октября 2021 г., и назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 4 года в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год.

На основании статьи 53 УК РФ осужденному установлены ограничения и на него возложена обязанность, указанные в приговоре.

Апелляционным постановлением Магаданского областного суда от 29 июня 2022 г. приговор в отношении Р. оставлен без изменения.

Кассационным постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 5 декабря 2022 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Р. оставлены без изменения.

Постановлением Магаданского городского суда Магаданской области от 13 апреля 2023 г. неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена осужденному Р. на принудительные работы на срок 2 года 7 месяцев 9 дней с удержанием 10 % из заработной платы в доход государства.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации указывал на то, что приговор, апелляционное и кассационное постановления подлежат изменению в части назначенного Р. дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку суд при назначении наказания по правилам частей 2 и 4 статьи 69 УК РФ наряду с лишением свободы назначил дополнительное наказание в виде ограничения свободы и в нарушение статьи 53 УК РФ не установил конкретные ограничения и обязанности, указав их при назначении окончательного наказания на основании статьи 70 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исключила из судебных решений указание на назначение Р. дополнительного наказания в виде ограничения свободы, отметив следующее.

В соответствии с пунктами 4, 5 части 1 статьи 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным, а также окончательная мера наказания, подлежащая отбытию в соответствии со статьями 69–72 УК РФ, ограничения и обязанности, которые устанавливаются таким образом, чтобы не возникало никаких сомнений при исполнении наказания.

Согласно статье 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному ограничений и обязанностей, которые он должен отбывать.

По данному делу указанные требования закона судом выполнены не в полной мере.

Из приговора видно, что при назначении Р. наказания по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ (два преступления) и по части 2 статьи 159 УК РФ, а также при назначении наказания по совокупности преступлений на основании частей 2 и 4 статьи 69 УК РФ суд наряду с основным наказанием в виде лишения свободы назначил ему дополнительное наказание – ограничение свободы, однако определил при этом лишь срок ограничения, но не указал содержание этого вида наказания, а именно не установил ограничений и не возложил на осужденного обязанности, которые предусмотрены статьей 53 УК РФ.

Суд возложил конкретные ограничения и установил обязанности при назначении Р. наказания по совокупности приговоров на основании статьи 70 УК РФ, несмотря на то, что они не были установлены при назначении наказания по данному приговору, а по предыдущему приговору от 7 октября 2021 г. наказание в виде ограничения свободы осужденному не назначалось.

Таким образом, судом первой инстанции в нарушение требований уголовного закона дополнительное наказание в виде ограничения свободы фактически не было назначено, в связи с этим оно не могло быть назначено и на основании статьи 70 УК РФ.

Определение № 93-УДП24-2-К9

33. В силу требований части 1 статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона положения пункта «п» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации не подлежали применению судом при назначении осужденному наказания за преступление, совершенное до введения в действие указанной нормы.

По приговору Кандалакшского районного суда Мурманской области от 30 сентября 2022 г. К., ранее судимый 1 октября 2021 г. по статье 264¹ УК РФ к 280 часам обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 2 года, осужден по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ к 15 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, на основании части 5 статьи 69 УК РФ к 15 годам 1 месяцу 5 дням лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев (с возложением обязанности и установлением ограничений, перечисленных в приговоре), с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 2 года.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 27 декабря 2022 г. приговор от 30 сентября 2022 г. изменен: исключено указание на назначение ему дополнительного наказания в виде ограничения свободы на 1 год 6 месяцев по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ, а также на основании части 5 статьи 69 УК РФ. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2023 г. вышеуказанные приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат Д. выражал несогласие с состоявшимися в отношении осужденного К. решениями, просил об их отмене и о передаче дела на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с частью 1 статьи 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления.

Исходя из положений части 1 статьи 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Как усматривается из материалов уголовного дела, при назначении осужденному К. наказания суд в соответствии со статьей 60 УК РФ учел характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности осужденного, влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи.

Суд на основании пункта «п» части 1 статьи 63 УК РФ признал обстоятельством, отягчающим наказание осужденного К., совершение преступления в отношении несовершеннолетней лицом, проживающим совместно с несовершеннолетней.

Однако указанная норма, согласно которой суд при назначении наказания может признать отягчающим обстоятельством совершение

преступления в отношении несовершеннолетней лицом, проживающим совместно с несовершеннолетней, введена в действие Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ.

Поскольку преступление, за которое осужден К., было совершено им в период с 1 июня 2018 г. по 31 мая 2021 г., то есть до принятия названного закона, признание данного обстоятельства отягчающим наказание осужденного нельзя признать обоснованным.

При таких данных Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила судебные решения в отношении К.: исключила указание на признание отягчающим обстоятельством совершение преступления в отношении несовершеннолетней лицом, проживающим совместно с несовершеннолетней. Назначенное К. наказание смягчено.

Определение № 34-УД24-2-К3

34. Если суд кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела изменил вид исправительного учреждения, назначенный по приговору суда, на более мягкий, то необходимо произвести зачет времени отбывания лишения свободы в исправительном учреждении более строгого вида в срок лишения свободы, подлежащий отбытию с учетом части 3⁵ статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Красноармейского районного суда Челябинской области от 29 июня 2021 г. Б. (судимый: 23 января 2020 г. по части 1 статьи 112 УК РФ к 1 году ограничения свободы с установлением ограничений и возложением обязанности в соответствии со статьей 53 УК РФ; 23 марта 2020 г. по части 2 статьи 159 УК РФ (два преступления) на основании части 2 статьи 69 УК РФ к 360 часам обязательных работ, постановлением от 27 июля 2020 г. обязательные работы заменены лишением свободы на срок 44 дня в колонии-поселении, наказание не отбыто; 15 июля 2020 г. по части 1 статьи 161 УК РФ на основании статьи 73 УК РФ к 1 году лишения свободы условно, с испытательным сроком 1 год; 10 декабря 2020 г. по части 1 статьи 159, части 1 статьи 161 УК РФ на основании части 5 статьи 69 (приговор от 23 января 2020 г.), статьи 70 (приговор от 15 июля 2020 г.), части 5 статьи 69 УК РФ (приговор от 23 марта 2020 г.) к 1 году 2 месяцам лишения свободы; 28 января 2021 г. по части 2 статьи 159 (два преступления), части 1 статьи 163, части 1 статьи 161 (четыре преступления), части 1 статьи 159 УК РФ, на основании части 2 статьи 69 УК РФ к 2 годам лишения свободы; 19 марта 2021 г. по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ (два преступления), на основании части 3 статьи 69, части 5 статьи 69 УК РФ (приговор от 10 декабря 2020 г.) к 3 годам 6 месяцам лишения свободы) осужден по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы.

В соответствии со статьей 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по приговору от 15 июля 2020 г. и назначено 2 года 3 месяца лишения свободы.

На основании части 5 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения назначенного наказания и наказания по приговорам от 28 января и от 19 марта 2021 г. назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 4 года 9 месяцев в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 14 сентября 2021 г. приговор от 29 июня 2021 г. оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2022 г. приговор и апелляционное определение в отношении Б. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Б. просил о пересмотре состоявшихся в отношении его судебных решений в части назначенного ему наказания и об изменении вида исправительного учреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, изучив доводы, изложенные в кассационной жалобе, пришла к следующим выводам.

По приговору от 29 июня 2021 г. на основании пункта «в» части 1 статьи 58 УК РФ отбывание наказания Б. назначено в исправительной колонии строгого режима.

В соответствии с пунктом «в» части 1 статьи 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях строгого режима.

Как следует из приговора от 29 июня 2021 г., Б. осужден за совершение 20 августа 2020 г. тяжкого преступления, предусмотренного пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ, к 2 годам лишения свободы.

Судом обоснованно признано, что Б. совершил преступление при наличии рецидива преступлений (часть 1 статьи 18 УК РФ), с учетом судимости по приговору от 23 марта 2020 г.

При таких обстоятельствах назначение исправительной колонии строгого режима возможно только при условии, если осужденный ранее отбывал лишение свободы.

Вместе с тем такие данные в материалах дела отсутствуют.

По приговору от 23 января 2020 г. Б. осужден к 1 году ограничения свободы.

По приговору от 23 марта 2020 г. Б. осужден к 360 часам обязательных работ, которые заменены лишением свободы на срок 44 дня в колонии-поселении.

Как следует из справки от 31 мая 2024 г., представленной филиалом по Красноармейскому району ФКУ УИИ ГУФСИН России по Челябинской области, осужденному Б. предписание для самостоятельного следования в УКП при ФКУ ИК-6 ГУФСИН России по Челябинской области было вручено 20 августа 2020 г., при этом сведений о прибытии к месту отбывания наказания не имеется.

По приговору от 15 июля 2020 г. Б. осужден к лишению свободы на 1 год условно с испытательным сроком 1 год. Условное осуждение по данному приговору отменено по приговору от 10 декабря 2020 г.

Таким образом, на момент совершения преступления (20 августа 2020 г.) наказание в виде лишения свободы осужденным Б. не отбывалось.

С учетом изложенного при назначении наказания по приговору от 29 июня 2021 г. оснований для признания осужденного Б. лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы, не имеется.

В соответствии с пунктом «б» части 1 статьи 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима.

При таких обстоятельствах осужденному Б. для отбывания наказания необходимо назначить исправительную колонию общего режима.

В связи с этим время содержания осужденного Б. под стражей следует зачесть из расчета один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Кроме того, в соответствии с пунктом «а» части 3⁵ статьи 72 УК РФ, если вид исправительного учреждения, назначенный по приговору суда, изменен в порядке, предусмотренном главой 47¹ УПК РФ, на более мягкий, зачет времени отбывания лишения свободы в исправительном учреждении более строгого вида в срок лишения свободы, подлежащий отбытию, осуществляется из расчета один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

С учетом данных обстоятельств Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила судебные решения в отношении Б., в частности в связи с изменением вида исправительного учреждения в соответствии с пунктом «а» части 3⁵ статьи 72 УК РФ в срок лишения свободы в исправительной колонии общего режима зачтено время отбывания лишения свободы в исправительной колонии строгого режима из расчета один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Определение № 48-УД24-17-К7

35. Если длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение

лица, совершившего данное преступление, в части зачета времени нахождения лица под домашним арестом в срок лишения свободы, но фактически окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица зачет производится в соответствии с новым уголовным законом.

По приговору Богучанского районного суда Красноярского края от 6 октября 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ш., ранее не судимый, осужден по пункту «б» части 3 статьи 229 УК РФ к 9 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

На основании части 3⁴ статьи 72 УК РФ зачтено в срок отбывания наказания время содержания Ш. под домашним арестом с 21 ноября 2020 г. по 16 ноября 2021 г. включительно из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы. В соответствии с частью 3² статьи 72 УК РФ зачтено в срок отбывания наказания время содержания под стражей с 19 по 21 ноября 2020 г. и с момента взятия под стражу на основании данного приговора до дня вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2023 г. приговор и апелляционное определение в отношении Ш. изменены: время нахождения Ш. под домашним арестом в период с 21 ноября 2020 г. по 16 ноября 2021 г. зачтено в срок отбывания наказания из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы. В остальной части судебные решения оставлены без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене кассационного определения в части разрешения вопроса о зачете Ш. в срок отбывания наказания времени нахождения под домашним арестом, поскольку суд кассационной инстанции необоснованно применил повышающие коэффициенты кратности при зачете срока домашнего ареста в срок лишения свободы по сравнению с законом, действовавшим на момент совершения Ш. преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила кассационное представление по следующим основаниям.

Как обоснованно указано в кассационном представлении, Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, вступившим в законную силу 14 июля 2018 г., статья 72 УК РФ дополнена частью 3⁴, согласно которой время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

В соответствии со статьей 72 УК РФ правила зачета наказания, в том числе предусмотренные частью 3⁴ названной статьи, относятся к предмету уголовно-правового регулирования, в связи с чем вопросы действия указанной нормы во времени разрешаются на основании статей 9 и 10 УК РФ.

По смыслу части 1 статьи 9 УК РФ в тех случаях, когда длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, но окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица подлежит применению новый уголовный закон⁶.

Как видно из материалов уголовного дела и установлено судом в приговоре, преступление было совершено Ш. в период с 1 августа 2013 г. по 29 октября 2020 г.

Суд первой инстанции применил уголовный закон, действовавший на момент окончания преступления.

Суд кассационной инстанции, принимая решение о зачете времени нахождения под домашним арестом в период с 21 ноября 2020 г. по 16 ноября 2021 г. в срок отбывания наказания из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы, указал, что по приговору Ш. осужден за преступление, период совершения которого имел место в том числе до вступления в силу названного Федерального закона.

Однако судом кассационной инстанции не учтено, что инкриминированное Ш. преступление окончено 29 октября 2020 г., то есть после вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение в отношении Ш., уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд.

Определение № 53-УДП24-8-К8

Процессуальные вопросы

36. Вынесение судьей решения об избрании меры пресечения или о продлении срока ее действия не является препятствием для участия этого же судьи при рассмотрении дела по существу.

По приговору Гороховецкого районного суда Владимирской области от 2 декабря 2021 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Б., ранее судимый, осужден по части 2 статьи 228 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2023 г. приговор

⁶ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях».

и апелляционное определение в отношении Б. отменены, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в Гороховецкий районный суд Владимирской области иным составом суда.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации, оспаривая кассационное определение кассационного суда общей юрисдикции, указал, что председательствующий судья М. при рассмотрении ходатайств следователя об избрании и о продлении срока действия меры пресечения в отношении Б. не давал оценку доказательствам, не разрешал вопросы о виновности или невиновности Б. в содеянном, не делал выводов о наличии или об отсутствии события преступления. Судья обязан был проверить, содержат ли ходатайства и приобщенные к ним материалы сведения, указывающие на причастность этого лица к совершенному преступлению, а вывод судьи о том, что Б. может продолжить совершать преступления, в полной мере соответствует требованиям статьи 97 УПК РФ. Автор представления обращал внимание на то, что в постановлениях судьи также указано, что вопрос о виновности или невиновности Б. в совершении инкриминируемого ему деяния не может быть предметом рассмотрения и оценки при решении вопроса о мере пресечения, поскольку будет разрешаться судом при рассмотрении уголовного дела по существу. В представлении ставился вопрос об отмене обжалуемого кассационного определения и о передаче уголовного дела в отношении Б. на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив доводы, изложенные в кассационном представлении, пришла к следующим выводам.

Как следует из материалов уголовного дела, Вторым кассационным судом общей юрисдикции отменены приговор и апелляционное определение в отношении осужденного Б. ввиду наличия сомнений в беспристрастности судьи М., постановившего обвинительный приговор.

В обоснование принятого решения в кассационном определении отмечено, что ранее на досудебной стадии уголовного судопроизводства председательствующий судья М. при избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении от 4 февраля 2021 г. сослался на то, что Б. указал на принадлежность ему обнаруженного в ходе осмотра места происшествия и находящегося в автомашине наркотического средства, а также судья указал на то, что Б. может продолжить совершать преступления. Кроме этого, в постановлении суда о продлении избранной Б. меры пресечения от 28 мая 2021 г. судья М. указал на то, что Б. не отрицал перевозку в автомобиле наркотического средства.

По мнению кассационного суда общей юрисдикции, сделав в постановлениях вывод о наличии достаточных данных о причастности Б. к преступлению, в совершении которого он обвинялся, судья М. тем самым фактически предрешил вопрос о доказанности обстоятельства, указанного в пункте 2 части 1 статьи 299 УПК РФ, и констатировал отсутствие основания,

предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 302 УПК РФ, для вынесения оправдательного приговора. Таким образом, судья М. еще на досудебной стадии уголовного судопроизводства фактически высказал свое мнение относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

С указанными выводами суда кассационной инстанции нельзя согласиться по следующим основаниям.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, определениях от 15 ноября 2007 г. № 804-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2319-О, от 17 февраля 2015 г. № 295-О, недопустимым является участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу. Судья, ранее выразивший свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность принимаемого решения. Тем более не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела судья, который ранее принимал решение по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания и послужившим основанием для постановления приговора.

Вместе с тем не может расцениваться как свидетельство необъективности или предвзятости судьи, рассматривающего уголовное дело, то обстоятельство, что ранее данным судьей по этому же делу выносилось решение о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу. Решения, связанные с применением меры пресечения, и решения по существу уголовного дела (приговор) имеют различную фактическую основу и различное предназначение.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 2 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При этом она не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. При этом оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (части 4 статьи 7 УПК РФ), влекущего отмену решения.

В постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке статьи 108 УПК РФ суду следует дать оценку, в частности, обоснованности подозрения в совершении лицом преступления. В решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей должно быть указано, почему в отношении лица не может быть применена более мягкая мера пресечения, приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения (пункт 29 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Как усматривается из постановлений Гороховецкого районного суда Владимирской области об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Б. и о продлении срока содержания под стражей, на которые суд кассационной инстанции сослался в определении, обоснованность подозрения в причастности Б. к совершению преступления подтверждается представленными следователем материалами дела, в том числе протоколом осмотра места происшествия, в ходе которого обнаружено транспортное средство с находящимся внутри наркотическим средством, справкой об исследовании и заключением эксперта, которыми подтверждено, что изъятое вещество является наркотическим средством, протоколами допросов свидетелей Ч., С., К. и Е., указавших на то, что наркотическое средство изымалось из автомашины Б., протоколом допроса подозреваемого Б., который не отрицал принадлежности ему наркотического средства и его перевозки в автомобиле.

Вопреки доводам Б., изложенным в суде кассационной инстанции, при вынесении постановлений от 4 февраля и от 28 мая 2021 г. судьей проверены материалы, на основании которых он пришел к выводу об обоснованности подозрения в причастности Б. к совершению преступления.

Кроме того, в указанных постановлениях отмечено, что доводы Б. о его невиновности в инкриминируемом ему деянии не могут быть рассмотрены судом, поскольку проверка виновности либо невиновности лица в совершении преступления, оценка собранных по делу доказательств не входит в компетенцию суда при решении вопроса, касающегося меры пресечения.

Таким образом, из содержания постановлений об избрании и о продлении Б. меры пресечения не следует, что судья М. давал оценку доказательствам, предрешал вопрос о виновности или невиновности Б. в инкриминируемом ему деянии либо сформулировал выводы о наличии или об отсутствии события преступления.

При этом вывод судьи о том, что Б. может продолжить совершать преступления, как правильно отмечается в представлении, соответствует положениям статьи 97 УПК РФ, согласно которым одним из оснований для

избрания меры пресечения является наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый может продолжить заниматься преступной деятельностью.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что суд кассационной инстанции при рассмотрении жалобы осужденного не в полной мере принял во внимание указанные выше правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в связи с чем кассационное определение отменила, дело направила на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Определение № 86-УДП23-7-К2

37. Установление умысла на совершение преступления является правовым вопросом, который при рассмотрении дела судом присяжных заседателей с учетом положений части 5 статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не подлежит включению в вопросный лист и разрешается судьей при вынесении приговора.

По приговору Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 12 мая 2022 г., постановленному с участием присяжных заседателей, А. осужден по части 1 статьи 105 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 29 сентября 2022 г. приговор в отношении А., а также постановления Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 26 ноября 2021 г. об отказе в удовлетворении ходатайства о роспуске коллегии присяжных заседателей и о возвращении ходатайства об изменении территориальной подсудности уголовного дела, от 30 июня 2022 г. о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания оставлены без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г. апелляционное определение отменено, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 24 августа 2023 г. вышеуказанные постановления Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области об отказе в удовлетворении ходатайства о роспуске коллегии присяжных заседателей и о возвращении ходатайства об изменении территориальной подсудности уголовного дела, о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания оставлены без изменения.

Этим же апелляционным определением приговор Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 12 мая 2022 г.

в отношении А. изменен: действия осужденного переквалифицированы с части 1 статьи 105 на часть 4 статьи 111 УК РФ, назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет в исправительной колонии строгого режима. В остальной части приговор оставлен без изменения.

В кассационных жалобах потерпевшие и их представители выражали несогласие с решением кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г., которым отменено апелляционное определение и дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку выводы суда кассационной инстанции о том, что отсутствие в вопросном листе вопроса о наличии у А. умысла на лишение жизни потерпевшего не позволяло суду квалифицировать его действия по части 1 статьи 105 УК РФ, противоречат положениям статьи 334, части 5 статьи 339, части 3 статьи 348 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которыми вопрос об умысле подсудимого при совершении им определенных действий решается председательствующим исходя из фактических обстоятельств, признанных установленными коллегией присяжных заседателей, что и было им сделано. Просили отменить обжалуемое кассационное определение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 24 августа 2023 г. и передала дело на новое кассационное рассмотрение, указав следующее.

Как следует из материалов уголовного дела, органами предварительного расследования А. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РФ, а именно в умышленном причинении смерти Ю. путем нанесения удара ножом в область левой половины груди.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей от 15 апреля 2022 г. А. был признан виновным в том, что вечером 22 апреля 2017 г. он по приглашению своей знакомой Ю.А. прибыл в кафе, где принимал участие в праздновании ее юбилея. При этом А. взял с собой в кафе нож, который хранил при себе. Далее, в период с 00:00 до 00:30 23 апреля 2017 г., уже после торжества А., будучи в состоянии алкогольного опьянения, стоя на участке местности возле указанного кафе, в ходе ссоры с Ю. достал из кармана своего пальто нож, которым нанес потерпевшему не менее пяти ударов в область расположения жизненно-важных органов – спины, правой и левой боковой поверхности туловища, причинив тому повреждения, указанные в вопросе № 1.

От полученного в результате действий А. ранения Ю., доставленный в больницу, скончался 23 апреля 2017 г. в 12:00.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что установленные вердиктом присяжных заседателей фактические обстоятельства содеянного А., а именно

характер и способ примененного к потерпевшему насилия, выбранное оружие преступления, а также локализация причиненных потерпевшему телесных повреждений, свидетельствуют о прямом умысле А. на причинение смерти Ю., в связи с чем квалифицировал действия подсудимого по части 1 статьи 105 УК РФ.

С указанным решением согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, в своем решении указала: из вердикта следует, что осужденный А. не имел намерения лишить жизни Ю., поскольку в вопросе № 2 отсутствует указание об умысле осужденного на лишение жизни потерпевшего.

Исходя из изложенного суд кассационной инстанции сделал вывод о том, что умыслом А. не охватывалось наступление последствий в виде смерти Ю., что по смыслу закона является необходимым условием для вывода о наличии умысла на лишение жизни.

Далее суд указал, что намерение (цель) лишения жизни относится к фактическим обстоятельствам дела и в соответствии с положениями статьи 334 УПК РФ его установление входит в компетенцию присяжных заседателей, а не председательствующего; что отсутствие в вопросном листе вопроса о наличии у А. умысла на лишение жизни Ю. не позволяло суду квалифицировать действия осужденного по части 1 статьи 105 УК РФ.

Вместе с тем данные выводы суда кассационной инстанции нельзя признать законными и обоснованными.

Так, постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, и их содержание регламентированы статьями 338, 339 УПК РФ.

Формулируя вопросы, судья должен учитывать, что полномочия присяжных заседателей согласно части 1 статьи 334 УПК РФ ограничиваются решением вопросов о доказанности обстоятельств, предусмотренных пунктами 1, 2 и 4 части 1 статьи 299 УПК РФ, то есть: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

В пункте 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» даны разъяснения о том, что в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 УПК РФ.

К фактическим обстоятельствам уголовного дела относятся событие, результат, иные реальные обстоятельства, связанные с участием лица в совершении инкриминированного ему деяния.

Вывод суда кассационной инстанции о том, что умысел на совершение преступления относится к фактическим обстоятельствам, подлежащим доказыванию коллегией присяжных заседателей, противоречит положениям части 5 статьи 339 УПК РФ, согласно которым не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросов вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого, а также другие вопросы, требующие юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта.

В соответствии с предусмотренными статьей 334 УПК РФ полномочиями присяжные заседатели при вынесении вердикта должны обсуждать конкретные действия подсудимого и делать вывод об их доказанности или недоказанности.

Учитывая, что умысел виновного лица и квалификация его действий являются исключительно правовыми вопросами, они не подлежат включению в вопросный лист и разрешаются судьей единолично при постановлении приговора на основании вынесенного коллегией присяжных заседателей вердикта.

Определение № 41-УД23-33СП-К4

38. Наличие неотмененного постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению потерпевшего о преступлении, относящемся к делам частного обвинения, не препятствует мировому судье рассмотреть такое заявление, поданное в порядке статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По приговору мирового судьи судебного участка № 2 г. Пятигорска Ставропольского края от 18 февраля 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Щ. осужден по части 1 статьи 115 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 7000 руб.

Кассационным постановлением Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2023 г. приговор и апелляционное постановление отменены, производство по уголовному делу и уголовное преследование Щ. прекращены на основании пункта 5 части 1 статьи 27 УПК РФ в связи с наличием неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же обвинению ввиду отсутствия состава преступления. На основании статьи 134 УПК РФ за Щ. признано право на реабилитацию.

В кассационной жалобе потерпевший О. просил отменить кассационное постановление, ссылаясь на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в определении от 29 марта 2016 г. № 706-О.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в своем определении указала следующее.

Как видно из материалов дела, суд кассационной инстанции, отменяя приговор и апелляционное постановление, сослался на имеющееся в материалах уголовного дела неотмененное постановление от 3 декабря 2020 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Щ. на основании пункта 5 части 1 статьи 24 УПК РФ ввиду отсутствия состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 115 УК РФ, вынесенное участковым уполномоченным отдела МВД России по г. Пятигорску и утвержденное заместителем начальника полиции ОМВД России по г. Пятигорску.

Вместе с тем согласно части 2 статьи 20 УПК РФ уголовное дело о преступлении, предусмотренном частью 1 статьи 115 УК РФ, считается уголовным делом частного обвинения и возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего.

По смыслу взаимосвязанных положений статей 147, 318 и 319 УПК РФ, если заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения соответствует требованиям частей 1, 5 и 6 статьи 318 УПК РФ, мировой судья обязан принять заявление к своему производству, о чем выносится постановление.

В материалах уголовного дела имеется постановление мирового судьи судебного участка № 2 г. Пятигорска Ставропольского края от 2 марта 2021 г. о принятии к производству заявления О. о привлечении к уголовной ответственности Щ. за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 115 УК РФ, и возбуждении уголовного дела частного обвинения.

В силу части 1 статьи 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении по уголовному делу частного обвинения орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает решение о его передаче в суд в соответствии с частью 2 статьи 20 данного Кодекса.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в определении от 29 марта 2016 г. № 706-О и в постановлении от 28 июня 2023 г. № 36-П, по смыслу взаимосвязанных положений части 4 статьи 20, части 1 статьи 145 и части 3 статьи 318 УПК РФ руководитель следственного органа, следователь и дознаватель не уполномочены разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения, постановление об этом, как вынесенное за пределами их компетенции и умаляющее гарантии защиты прав потерпевшего, не может служить ни препятствием для принятия судом к своему производству заявления о преступлении, преследуемом в частном порядке, ни основанием для прекращения уголовного дела по мотиву наличия такого неотмененного постановления.

Устанавливая порядок уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, федеральный законодатель наделил потерпевшего правом самостоятельно осуществлять уголовное преследование – обращаться за

защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частного-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 7-П и от 17 октября 2011 г. № 22-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2013 г. № 1336-О и от 23 октября 2014 г. № 2534-О).

Если потерпевший способен защищать свои права и законные интересы самостоятельно или с помощью законного представителя либо представителя, то рассмотрение заявления о совершении в отношении его преступления относится к исключительной компетенции мирового судьи.

Тем самым право гражданина обращаться в установленном порядке за защитой своих нарушенных прав с заявлением о совершенном в его отношении преступлении частного обвинения в суд и, соответственно, обязанность мирового судьи рассмотреть его заявление не может ставиться в зависимость от принятия должностными лицами органов дознания и предварительного следствия решения об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по тому же обвинению в отношении того же лица ввиду отсутствия в деянии признаков соответствующего преступления.

Однако указанные положения закона и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не были приняты во внимание судом кассационной инстанции, что повлекло отмену кассационного постановления в отношении Щ. с направлением дела на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом.

Определение № 19-УД23-16-К5

39. Принятие судьей решения о возвращении уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с допущенными следователем нарушениями уголовно-процессуального закона не является обстоятельством, исключающим участие того же судьи в рассмотрении уголовного дела после устранения допущенных нарушений.

По приговору Липецкого областного суда от 15 марта 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Т., ранее не судимый, осужден по пункту «ж» части 2 статьи 105 УК РФ к 13 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год, с установлением указанных в приговоре ограничений и возложением обязанности, предусмотренных статьей 53 УК РФ.

По данному приговору осужден также Б.

В кассационной жалобе адвокат Щ., оспаривая приговор и апелляционное определение в отношении Т., указывал на то, что уголовное дело не могло быть рассмотрено в том же составе суда и имелись основания для самоотвода председательствующего судьи, поскольку ранее до возвращения дела прокурору по результатам рассмотрения ходатайства стороны защиты председательствующий судья 15 июня 2022 г. вынес постановление о признании недопустимым доказательством заключения психофизиологического исследования Т. и отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о признании недопустимым доказательством показаний специалиста А., то есть суд затрагивал вопросы, связанные с непосредственной оценкой данных доказательств по делу с точки зрения их допустимости. Адвокат отмечал, что в постановлении от 14 июля 2022 г. о возвращении уголовного дела прокурору суд также ставил вопросы, связанные с оценкой доказательств по делу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала несостоятельными доводы адвоката о необходимости отмены приговора в связи с рассмотрением уголовного дела незаконным составом суда.

Действительно, судьей М. 14 июля 2022 г. выносилось постановление о возвращении данного уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с допущенными следователем нарушениями уголовно-процессуального закона.

Исходя из текста данного решения судьей не высказывалось мнение относительно оценки имеющихся в деле доказательств и их достаточности для вывода о виновности или невинности обвиняемых, не содержится в постановлении судьи и позиции относительно наличия или отсутствия события преступления, квалификации деяния, а указание в нем на принятие неуполномоченным лицом решения о возобновлении предварительного следствия и соединении уголовных дел в одно производство, предъявление обвинения и составление им обвинительного заключения не является обстоятельством, предусмотренным статьей 62 УПК РФ, исключаящим участие того же судьи в рассмотрении уголовного дела после устранения допущенных нарушений.

Кроме того, как видно из протокола судебного заседания, сторонами в ходе судебного разбирательства не заявлялись отводы председательствующему судье и не высказывались замечания относительно его необъективности.

Определение № 77-УД23-8-А1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Практика рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений

40. Неоднократное совершение иностранным гражданином административных правонарушений и преступлений влечет для него правовые последствия в виде депортации и неразрешения въезда в Российскую Федерацию.

М. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконными вынесенных в отношении его решения ГУФСИН России по области о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации, распоряжения ФСИН России о нежелательности пребывания в Российской Федерации, решения ГУ МВД России по области о депортации и неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

19 августа 2022 г. М., освобожденный из мест лишения свободы по отбытии наказания, депортирован в Республику Таджикистан, и в отношении его утверждено решение о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации сроком на пять лет (до 19 августа 2027 г.) ввиду вынесения в отношении его решения о депортации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного иска отказано.

Судом кассационной инстанции апелляционное определение отменено, административное дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении судом апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда отменено, признаны незаконными решение ГУФСИН России по области о неразрешении М. въезда на территорию Российской Федерации, распоряжение ФСИН России о нежелательности пребывания в Российской Федерации, решения ГУ МВД России по области о депортации М. и неразрешении ему въезда в Российскую Федерацию. При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что суд первой инстанции не учел критерий соразмерности последствий принятых в отношении М. решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, не дал должной оценки его доводам о длительном проживании в Российской Федерации, где у него сложились устойчивые правовые, социальные и семейные связи, в то время как на территории Республики Таджикистан родственников и жилья он не имеет; не учел факты оплаты административных штрафов и окончания сроков, в течение которых лицо считается подвергнутым административному наказанию. Кроме того, суд первой инстанции не принял во внимание

наличие у административного истца дохода и своевременную уплату налогов в Российской Федерации.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, административное дело направила на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Статьей 25¹⁰ Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» установлено, что в отношении иностранного гражданина при наличии оснований, предусмотренных частью 1 статьи 27 данного закона, выносится решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию (часть 3); в отношении иностранного гражданина, которому не разрешен въезд в Российскую Федерацию, а также в целях защиты прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина в Российской Федерации (часть 4).

В случае, если федеральным органом исполнительной власти, ведающим вопросами юстиции, в отношении иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы, вынесено решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации, указанное решение в течение трех дней со дня его вынесения направляется в федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции, который принимает решение о депортации данного иностранного гражданина (пункты 11 и 12 статьи 31 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ)).

Исполнение решения о депортации иностранного гражданина осуществляется после отбытия данным иностранным гражданином наказания, назначенного по приговору суда.

Как установлено судами, М. 7 февраля, 25 и 28 апреля, 17 июня, 6 ноября и 20 декабря 2019 г. совершил административные правонарушения, предусмотренные главой 12 и главой 18 КоАП РФ, и был подвергнут административным наказаниям в виде штрафов.

В сентябре 2020 года М. совершил умышленные преступления, за которые осужден приговором суда.

Разрешая спор, суд первой инстанции, установив приведенные выше обстоятельства, исходил из того, что многократное совершение М. административных правонарушений в области дорожного движения, а также умышленных преступлений против собственности, относящихся в том числе к категории тяжких, судимость за которые не погашена, является грубым нарушением возложенных на него статьей 4 Федерального закона № 115-ФЗ обязанностей.

Суд апелляционной инстанции, считая такую позицию суда неправильной и отменяя судебное решение, в нарушение положений

пункта 6 части 2 статьи 311 КАС РФ не указал мотивы, по которым не согласился с выводами суда первой инстанции, факту привлечения М. к уголовной ответственности надлежащей оценки не дал.

При этом факт уплаты административных штрафов ошибочно отнес к обстоятельствам, имеющим правовое значение для правильного разрешения административного дела.

Проживание на территории Российской Федерации матери и братьев административного истца, приобретших гражданство данного государства, а также жены и детей не освобождает его от обязанности соблюдать законы Российской Федерации и от ответственности за их неисполнение и не влечет в безусловном порядке признания оспариваемых решений нарушающими его права.

Суд апелляционной инстанции не проверил, соответствуют ли вынесенные решения степени общественной опасности и тяжести совершенных М. преступных деяний, исходя из приоритета интересов населения Российской Федерации, чья безопасность не может быть поставлена в зависимость от наличия у иностранного гражданина, грубо нарушившего законодательство Российской Федерации, семейных и (или) родственных связей в Российской Федерации.

Более того, оставлено без правовой оценки то обстоятельство, что проживание на территории Российской Федерации матери, братьев, жены и детей не явилось фактором, сдерживающим М. от нарушения законодательства Российской Федерации, а также безразличное отношение самого административного истца к последствиям совершенных им умышленных преступлений, повлекшее принятие распоряжения о нежелательности его пребывания на территории Российской Федерации и решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

Из определения суда кассационной инстанции следует, что основанием для отмены первоначального судебного акта суда апелляционной инстанции послужила неполнота проверки, в частности, отношения М. к уплате российских налогов, наличия у него законного источника дохода и обеспеченности жильем на территории Российской Федерации.

Однако при новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции приведенные в кассационном определении обстоятельства не установил и не исследовал.

Суд апелляционной инстанции указал на то, что М. был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя и уплачивал налоги. Вместе с тем доказательства, свидетельствующие об осуществлении М. в период пребывания на территории Российской Федерации трудовой деятельности, обладании законным источником дохода, исполнении им обязанности по содержанию и воспитанию детей, в материалах дела отсутствуют.

Факт внесения 19 апреля 2018 г. в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей записи о регистрации М. в качестве

индивидуального предпринимателя (регистрация прекращена 23 сентября 2020 г.) не подтверждает осуществления административным истцом деятельности, приносящей доход, а также исполнения им обязанности по содержанию своей семьи.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций, административное дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 9-КАД25-4-К1

41. Совершение лицом, ранее принятым в гражданство Российской Федерации, одного из преступлений, указанных в части 1 статьи 24 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», является безусловным основанием для прекращения его гражданства.

А. в 1996 году прибыл со своей семьей из Туркменистана в Российскую Федерацию, в 1997 году получил статус беженца. В 2004 году в отношении его было принято решение о приеме в гражданство Российской Федерации; заявитель документирован паспортом гражданина Российской Федерации.

Вступившим в законную силу приговором суда А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 228 УК РФ, ему назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы.

Решением УМВД России по области от 28 марта 2024 г., принятым на основании подпункта «а» пункта 2 части 1 статьи 22 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве), прекращено гражданство Российской Федерации А.

Административный истец обратился в суд с требованием о признании незаконным и об отмене названного решения, полагая, что оно принято без учета того, что члены его семьи (супруга, дочь и внук) являются гражданами Российской Федерации и проживают совместно с заявителем на территории России в собственном жилом помещении. С момента прибытия в Россию и вплоть до 2017 года А. работал на предприятиях, является получателем страховой пенсии по старости; по месту работы и месту жительства характеризуется положительно.

Решением суда первой инстанции административный иск А. удовлетворен, признано незаконным и отменено решение о прекращении его гражданства.

Удовлетворяя требования в части, суд первой инстанции исходил из того, что факт совершения преступления не является безусловным основанием для прекращения российского гражданства. Суд принял во внимание наличие у А. устойчивой правовой связи с Россией, которая выразилась в длительности его нахождения в российском гражданстве и отсутствии гражданства другого государства, а также учел наличие

постоянно проживающих в России близких родственников, являющихся гражданами Российской Федерации. Суд указал на несоразмерность принятого решения характеру совершенного деяния и отсутствие значительных последствий для государства.

Судом апелляционной инстанции решение суда отменено в части удовлетворения требований А. к УМВД России по области, принято новое решение, которым административному истцу отказано в удовлетворении административного иска. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Отменяя решение суда в части и принимая новое решение об отказе в удовлетворении административного иска, суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что предусмотренное в подпункте «а» пункта 2 части 1 статьи 22 Закона о гражданстве основание прекращения гражданства Российской Федерации носит императивный характер и свидетельствует о безусловной обязанности административного ответчика вынести соответствующее решение.

Суд кассационной инстанции отменил определение суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда кассационной инстанции по следующим основаниям.

Согласно части 1 статьи 24 Закона о гражданстве гражданство Российской Федерации прекращается по основанию, предусмотренному подпунктом «а» пункта 2 части 1 статьи 22 этого закона, если гражданин Российской Федерации приобрел гражданство Российской Федерации в результате приема в гражданство Российской Федерации и совершил преступление (осуществил приготовление к преступлению или покушение на преступление), предусмотренное в том числе частью 2 статьи 228 УК РФ.

В части 2 той же статьи Закона о гражданстве определено, что гражданство Российской Федерации прекращается по названному основанию независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации.

Приведенные положения закона не содержат каких-либо изъятий, оговорок и условий, позволяющих уполномоченному органу не принимать решения о прекращении гражданства Российской Федерации при наличии оснований, предусмотренных подпунктом «а» пункта 2 части 1 статьи 22 и частью 1 статьи 24 указанного закона.

При таких обстоятельствах суд признал обоснованным довод, изложенный в кассационной жалобе УМВД России по области, о том, что вынесенным в отношении А. приговором суда установлен факт сообщения им заведомо ложных сведений в отношении принятого на себя обязательства

соблюдать законодательство Российской Федерации, в том числе Уголовный кодекс Российской Федерации.

Само по себе наличие у А., принятого в гражданство Российской Федерации, близких родственников – граждан России не влечет в безусловном порядке признание решения о прекращении гражданства нарушающим его право на уважение личной и семейной жизни, поскольку такая мера направлена на защиту интересов государства через принятие соответствующего решения органом государственной власти в отношении лица, сообщившего при приеме в гражданство Российской Федерации заведомо ложные сведения, касающиеся обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, и умышленно их нарушающего. Оспариваемое административным истцом решение уполномоченного органа не препятствует ему в поддержании семейных связей на территории России.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определение суда кассационной инстанции отменила, оставила в силе определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 47-КАД25-7-К6

42. Нарушение процедуры выдвижения списка кандидатов, выразившееся в отсутствии представительства от местных отделений политической партии при избрании делегатов на конференцию ее регионального отделения, может являться основанием для отказа в его регистрации.

Постановлением законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации назначены выборы депутатов нового созыва.

Постановлением избирательной комиссии субъекта Российской Федерации из заверенного списка кандидатов в депутаты законодательного органа субъекта Российской Федерации (далее также – список кандидатов в депутаты) нового созыва, выдвинутого региональным отделением политической партии по областному избирательному округу, исключены К. и И. на основании подпункта «е» пункта 26 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ) ввиду их членства в иной политической партии (пункт 1); в регистрации данного списка кандидатов в депутаты отказано на основании подпункта «а» пункта 25 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ в связи с несоблюдением требований к выдвижению списка кандидатов, предусмотренных Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (пункт 2) (далее – Федеральный закон «О политических партиях»).

Региональное отделение политической партии обратилось в суд с административным иском об отмене указанного постановления избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в полном объеме и о возложении на административного ответчика обязанности зарегистрировать список кандидатов в депутаты.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен частично. Отменено оспариваемое постановление избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в части отказа в регистрации списка кандидатов в депутаты. На указанную избирательную комиссию возложена обязанность незамедлительно после вступления решения суда в законную силу зарегистрировать список кандидатов в депутаты с учетом исключения из него кандидатов К. и И.

В удовлетворении требований в части исключения из списка кандидатов в депутаты К. и И. отказано.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции установил отсутствие кворума при избрании делегатов общим собранием местного отделения, в связи с чем пришел к выводу о том, что избранные для представления данного местного отделения делегаты не обладали правом голоса при принятии решения о выдвижении списка кандидатов в депутаты на конференции регионального отделения политической партии (далее – конференция).

В то же время, оценивая данное обстоятельство, суд заключил, что отсутствие представительства от местного отделения не свидетельствует о неправомерности конференции, посчитав достаточным участие в ее работе делегатов, избранных общими собраниями трех местных отделений политической партии.

Судом апелляционной инстанции резолютивная часть решения суда изменена путем возложения на административного ответчика обязанности рассмотреть вопрос о регистрации списка кандидатов в депутаты с учетом исключения из него кандидатов К. и И. В остальной части судебный акт суда первой инстанции оставлен в силе.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесенное по делу определение суда апелляционной инстанции отменила по следующим основаниям.

В силу подпункта «а» пункта 25 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ основанием отказа в регистрации списка кандидатов является несоблюдение требований к выдвижению списка кандидатов, предусмотренных Федеральным законом «О политических партиях», за исключением требований, предусмотренных пунктом 3¹ статьи 36 Федерального закона «О политических партиях».

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, установил, что на учете в региональном отделении политической партии действительно состоят граждане, одновременно являющиеся членами иной политической партии.

Вместе с тем данное обстоятельство, по мнению суда, к нарушению процедуры выдвижения списка кандидатов в депутаты не привело, поскольку исключение голосов этих лиц при избрании делегатов на конференции не повлияло на наличие кворума.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации посчитала правильным вывод судов о членстве в региональном отделении политической партии граждан, являющихся членами иной политической партии, в то же время не согласилась с выводом о наличии кворума.

Пунктом 1 и подпунктом «и» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях» установлено, что политическая партия, ее региональные отделения и иные структурные подразделения действуют на основании устава политической партии и в соответствии с ним.

Согласно пункту 9 статьи 29 Устава политической партии конференция регионального отделения считается правомочной, если в ее работе принимают участие более половины от всех избранных на нее делегатов, при условии, что в ее работе участвует не менее половины делегатов, представляющих местные отделения и не менее пятидесяти процентов членов политической партии, состоящих на учете непосредственно в региональном отделении политической партии и не учитываемых в составе местных отделений политической партии.

В пункте 1 статьи 44 Устава политической партии предусмотрено, что участниками общего собрания местного отделения являются члены политической партии, состоящие на учете в данном местном отделении.

Из приведенных норм следует, что по данному делу делегаты на конференцию избираются участниками, состоящими на учете в местных отделениях, входящих в региональное отделение политической партии.

При этом делегаты должны быть избраны от каждого местного отделения.

Соглашаясь с таким выводом, суд апелляционной инстанции не проверил его на соответствие пункту 7 статьи 29 Устава политической партии, в силу которого участию в работе конференции политической партии предшествует избрание на нее делегатов от всех местных отделений.

Кроме того, проверяя соблюдение кворума, необходимого для избрания делегатов, суд апелляционной инстанции не выявил действительный смысл положения пункта 1 статьи 44 Устава политической партии, согласно которому кворум, необходимый для избрания делегатов, рассчитывается исходя из списочного состава, то есть всех лиц, состоящих на учете в политической партии.

Неправильное истолкование судом приведенной выше нормы привело к уменьшению списочного состава политической партии и, как следствие, к неверному определению кворума, поскольку при его расчете суд исключил граждан, состоящих на учете в иной политической партии, из списочного

состава политической партии, а не лиц, фактически принявших участие в общих собраниях местных отделений.

Из материалов дела следует, что первоначально постановлением избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в заверении списка кандидатов в депутаты было отказано ввиду несоблюдения требований к его выдвижению.

В ходе рассмотрения дела представитель административного истца пояснил, что указанные выше нарушения не относятся к вопросам членства в политической партии.

Между тем суд апелляционной инстанции оставил без внимания неустановление судом первой инстанции характера допущенных политической партией нарушений и мер, принятых для их устранения, и, как следствие, не выяснил, являются ли названные обстоятельства юридически значимыми для разрешения данного дела.

С учетом характера допущенных судами нарушений норм материального и процессуального права Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесенное по делу определение суда апелляционной инстанции отменила и направила административное дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении дела решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение об отказе в удовлетворении требований административного истца.

Определение № 87-ИКАД25-2-А1

Применение положений законодательства об административных правонарушениях

43. Управление лицом, находящимся в состоянии опьянения, электросамокатом, имеющим технические характеристики транспортного средства, на управление которым в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения требуется наличие специального права, влечет административную ответственность по части 1 статьи 12.8 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Т. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с абзацем первым пункта 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила дорожного движения, Правила), водителю

запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения.

Частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В ходе производства по делу установлено, что Т. в нарушение требования пункта 2.7 Правил дорожного движения управлял транспортным средством – электросамокатом, находясь в состоянии опьянения.

Доводы жалобы о том, что управление электросамокатом, который в соответствии с Правилами дорожного движения является средством индивидуальной мобильности, а не транспортным средством, а потому действия Т. не образуют состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, признаны необоснованными.

Средство индивидуальной мобильности – это транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства) (пункт 1.2 Правил дорожного движения).

В соответствии с Правилами дорожного движения транспортным средством признается устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем.

Согласно примечанию к статье 12.1 КоАП РФ под транспортным средством следует понимать автомототранспортное средство с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 кубических сантиметров или максимальной мощностью электродвигателя более 4 киловатт и максимальной конструктивной скоростью более 50 километров в час, а также прицепы к нему, подлежащие государственной регистрации, а в других статьях этой главы также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

По смыслу приведенного примечания необходимость наличия таких условий для характеристики транспортного средства, как рабочий объем двигателя внутреннего сгорания более 50 кубических сантиметров или максимальная мощность электродвигателя более 4 киловатт и максимальная конструктивная скорость более 50 километров в час, а также государственная регистрация, относится только к применению статьи 12.1 КоАП РФ.

В целях применения других статей главы 12 КоАП РФ под транспортными средствами понимаются также иные транспортные средства,

на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Установленные в Российской Федерации категории и входящие в них подкатегории транспортных средств, на управление которыми предоставляется специальное право, перечислены в пункте 1 статьи 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

В соответствии с данной нормой мопеды относятся к категории «М», на управление такими транспортными средствами предоставляется специальное право.

Мопедом признается двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт.

В ходе производства по делу установлено, что электросамокат, которым управлял Т., по своим техническим характеристикам относится к транспортным средствам, право управления которыми должно быть подтверждено водительским удостоверением соответствующей категории (мощность 600 Вт (более 0,25 кВт), максимальная конструктивная скорость 45 километров в час).

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 14-АД25-14-К1

44. Размещение транспортного средства на газоне, в том числе в случае частичного отсутствия на нем травянистого покрытия, является нарушением правил благоустройства и влечет административную ответственность в соответствии с законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях.

Постановлением административной комиссии муниципального образования, оставленным без изменения судебными актами судов общей юрисдикции, С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 15 статьи 8.2 закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, и подвергнут административному наказанию.

Частью 15 статьи 8.2 закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, а равно благоустроенной и

предназначенной для озеленения территории, спортивных и детских площадках, за исключением техники, связанной с производством работ по содержанию территории, занятой зелеными насаждениями, детских и спортивных площадок и ремонту объектов, инженерных сетей и коммуникаций, расположенных на указанных территориях, ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, если ответственность за данное правонарушение не предусмотрена федеральным законодательством.

В соответствии с пунктом 1.4 Правил благоустройства территории муниципального образования, утвержденных решением городской думы (далее – Правила благоустройства), под озелененными территориями понимаются газон и иные территории, занятые зелеными насаждениями, а равно предназначенные под зеленые насаждения.

Газон – элемент благоустройства, представляющий собой искусственно созданный участок поверхности с травяным покрытием, создаваемый посевом семян злаковых трав с возможным включением некоторых видов травянистых растений, являющийся фоном для посадок, парковых сооружений и самостоятельным элементом ландшафтной композиции.

Озелененные территории общего пользования – озелененные территории, предназначенные для различных форм отдыха (парки, сады, скверы, бульвары, аллеи, общественные центры, проспекты, набережные, улицы, городские леса).

Зеленые насаждения представляют собой элемент благоустройства, представляющий собой древесную, древесно-кустарниковую, кустарниковую и травянистую растительность естественного и искусственного происхождения.

В силу пункта 4.1.18 Правил благоустройства запрещается размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, а равно благоустроенной и предназначенной для озеленения территории, спортивных и детских площадках, за исключением техники, связанной с производством работ по содержанию территории, занятой зелеными насаждениями, детских и спортивных площадок, и ремонту объектов, инженерных сетей и коммуникаций, расположенных на указанных территориях, ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Согласно пункту 5.1.5 Правил благоустройства на озелененных территориях общего пользования запрещается проезд и размещение автотранспортных средств, строительной и дорожной техники, кроме техники, связанной с эксплуатацией данных территорий и уходом за зелеными насаждениями.

В ходе производства по делу было установлено, что С. в нарушение требований пунктов 4.1.18, 5.1.5 Правил благоустройства разместил транспортное средство на территории, занятой зелеными насаждениями и предназначенной для озеленения.

Из материала фотофиксации места совершения правонарушения следовало, что транспортное средство размещено на газоне – элементе благоустройства, имеющем ограничение в виде бортового камня (бордюра) и граничащем с твердым покрытием проезжей части дороги и тротуара, являющемся самостоятельным элементом ландшафтной композиции, не предназначенным для движения по нему транспортных средств. Частичное отсутствие на газоне травянистого покрытия не наделяет данную территорию статусом дороги, предназначенной для движения или размещения на ней транспортных средств.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 32-АД25-10-К1

45. Неисполнение требования должностного лица налогового органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, о предоставлении составляющих банковскую тайну сведений в нарушение установленного законом порядка не образует состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КоАП РФ.

Должностным лицом налогового органа в отношении С. (далее – клиент) возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 14.1 КоАП РФ.

В рамках производства по этому делу в соответствии с положениями статьи 26.10 КоАП РФ должностным лицом налогового органа, осуществляющим административное расследование, вынесено определение об истребовании у Общества (банка) сведений, необходимых для разрешения дела об административном правонарушении (выписки по операциям по расчетному (лицевому) счету клиента; идентифицирующие сведения (для идентификации и последующего опроса): наименование, ФИО, ИНН (при наличии сведений) физических и юридических лиц, выполнивших перевод (зачисление) денежных средств на счета клиента, основание для их перечисления; копии договоров об открытии расчетных счетов (иных договоров); подтверждающую/опровергающую информацию о том, что клиент использует дистанционное банковское обслуживание соответствующих расчетных счетов (банк-онлайн, интернет-банкинг, интернет-банк и т. п.); информацию о номерах банковских карт (последние 4 цифры), которые соответствуют («привязаны») к расчетным счетам клиента).

В ответ Обществом (банком) в адрес налогового органа направлено письмо об отказе в предоставлении истребованных сведений с указанием на то, что предоставление кредитными организация сведений и документов, содержащих банковскую тайну в отношении физических лиц, в рамках

рассмотрения дел об административных правонарушениях действующим законодательством не предусмотрено.

По факту умышленного невыполнения законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, постановлением судьи районного суда, с выводами которого согласился судья кассационного суда, Общество (банк) привлечено к административной ответственности по статье 17.7 КоАП РФ.

Вместе с тем при вынесении обжалуемых судебных актов не учтено следующее.

Статьей 17.7 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Общества (банка) к административной ответственности) установлена административная ответственность за умышленное невыполнение законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

Банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте (пункт 1 статьи 857 ГК РФ).

Государственным органам и их должностным лицам, а также иным лицам сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены исключительно в случаях и порядке, которые предусмотрены законом (пункт 2 статьи 857 ГК РФ).

Исчерпывающий перечень лиц, которые вправе получать от банков информацию, составляющую банковскую тайну, установлен статьей 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон № 395-І).

Сведения о наличии счетов, вкладов (депозитов) и (или) об остатках денежных средств на счетах, вкладах (депозитах), по операциям на счетах, по вкладам (депозитам) организаций, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, физических лиц предоставляются кредитной организацией налоговым органам в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (часть 28 статьи 26 Закона № 395-І).

В силу абзаца третьего пункта 2 статьи 86 НК РФ справки о наличии счетов, вкладов (депозитов) и (или) об остатках денежных средств (драгоценных металлов) на счетах, вкладах (депозитах), выписки по операциям на счетах, по вкладам (депозитам) физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, в банке, справки об остатках электронных денежных средств и о переводах электронных денежных средств могут быть запрошены налоговыми органами при наличии согласия руководителя вышестоящего налогового органа или руководителя (заместителя руководителя) федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов,

в случаях проведения налоговых проверок в отношении этих лиц либо истребования у них документов (информации) в соответствии с пунктом 1 статьи 93¹ НК РФ.

В ходе производства по делу защитники Общества (банка) указывали на то, что раскрытие банковской тайны не в установленном законом порядке может повлечь наступление гражданско-правовой ответственности (пункт 3 статьи 857 ГК РФ).

Однако доводы защитников Общества (банка), обстоятельства, подлежащие установлению по делу об административном правонарушении и имеющие значение для его разрешения, не были проверены и исследованы судьей районного суда в полном объеме и оставлены без надлежащей правовой оценки.

Судья кассационного суда допущенное судьей районного суда нарушение не устранил.

При таких обстоятельствах постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное в отношении Общества (банка) по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 КоАП РФ, отменено, дело об административном правонарушении возвращено в кассационный суд общей юрисдикции на новое рассмотрение.

Постановление № 5-АД25-35-К2

46. Обоюдное причинение лицами телесных повреждений не исключает привлечения к административной ответственности по статье 6.1¹ КоАП РФ каждого из виновных в нанесении побоев или совершении иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не содержащих признаков уголовно наказуемого деяния.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1¹ КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии со статьей 6.1¹ КоАП РФ нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения М. к административной ответственности, предусмотренной указанной нормой, послужили изложенные в судебных актах выводы о том, что он в ходе конфликта нанес Р. удар кулаком по лицу, что причинило последнему физическую боль, но не повлекло последствий, указанных в статье 115 УК РФ. Эти действия не содержали признаков уголовно наказуемого деяния.

Фактические обстоятельства совершения М. административного правонарушения подтверждены собранными по делу доказательствами, получившими оценку по правилам статьи 26.11 КоАП РФ с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Положения статьи 2.7 КоАП РФ в рассматриваемом случае неприменимы.

В силу данной нормы не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Оснований для вывода о том, что вмененное М. административное правонарушение совершено в состоянии крайней необходимости, не имеется.

При этом учтено, что по смыслу статьи 2.7 КоАП РФ опасность, угрожающая личности и иным интересам, должна быть реальной; действия, совершаемые в обстановке крайней необходимости, по времени должны совпадать с реально существующей угрозой причинения вреда; опасность не могла быть устранена иными средствами; действия, квалифицируемые как административное правонарушение, – единственное, что могло бы привести к устранению опасности.

Материалы дела свидетельствовали о том, что действия М. носили активный, а не оборонительный характер.

Привлечение Р. на основании постановления мирового судьи к административной ответственности по статье 6.1¹ КоАП РФ за нанесение побоев М. к иным выводам не приводит.

Обоюдное причинение телесных повреждений не исключает привлечения к установленной законом ответственности каждого из виновных.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 59-АД25-6-К9

47. Неразъяснение при составлении протокола об административном правонарушении лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренных КоАП РФ прав и обязанностей влечет признание такого протокола недопустимым доказательством.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного

суда общей юрисдикции, И. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 12.15 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Частью 5 статьи 12.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за повторный выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления.

Основанием для привлечения И. к административной ответственности, предусмотренной указанной нормой, послужил тот факт, что он, управляя транспортным средством, совершил обгон транспортного средства с выездом на сторону дороги, предназначенную для встречного движения в зоне действия временного дорожного знака 3.20 «Обгон запрещен» (приложение 1 к Правилам дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090).

К числу доказательств по делу по административном правонарушении относится протокол об административном правонарушении.

Согласно части 3 статьи 28.2 КоАП РФ при составлении протокола об административном правонарушении физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, а также иным участникам производства по делу разъясняются их права и обязанности, предусмотренные этим кодексом, о чем делается запись в протоколе.

Нарушением, влекущим невозможность использования доказательств, может быть признано получение объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, которому не были предварительно разъяснены их права и обязанности (часть 1 статьи 25.1 КоАП РФ, статья 51 Конституции Российской Федерации).

И. и его защитник последовательно заявляли о том, что при составлении протокола об административном правонарушении сотрудники ГИБДД И. не разъяснили права, предусмотренные статьей 25.1 КоАП РФ, и положения статьи 51 Конституции Российской Федерации, что подтверждается отсутствием подписи лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, в соответствующей графе протокола об административном правонарушении.

Мировой судья и согласившиеся с ним судьи вышестоящих судов признали протокол об административном правонарушении отвечающим требованиям статьи 28.2 КоАП РФ, а доводы И. и его защитника были необоснованно отклонены.

Вместе с тем указанные нарушения требований КоАП РФ являются существенными и не могут быть восполнены при рассмотрении жалобы на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.

При изложенных обстоятельствах постановление мирового судьи, решение судьи городского суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении И. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 5 статьи 12.15 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ.

Постановление № 44-АД25-12-К7

48. Административный арест относительно лишения права управления транспортными средствами является более строгим наказанием, которое назначается лишь в исключительных случаях. Его применение не может основываться на доводах об осуществлении лицом, в отношении которого ведется производство по делу, трудовой деятельности в качестве водителя и утрате в связи с лишением специального права источника заработка.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.27 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного ареста.

Заместителем Генерального прокурора Российской Федерации в Верховный Суд Российской Федерации принесен протест, в котором приведены доводы о незаконности указанных судебных актов.

Согласно части 2 статьи 12.27 КоАП РФ оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния влечет лишение права управления транспортными средствами или административный арест.

А. привлечен к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 12.27 КоАП РФ, в связи с оставлением места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

Вместе с тем при назначении административного наказания мировым судьей были допущены существенные нарушения требований КоАП РФ.

Статьей 3.1 КоАП РФ предусмотрено, что административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Административное наказание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица.

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 4.1 КоАП РФ административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с этим кодексом. При назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность.

Согласно части 2 статьи 3.9 КоАП РФ административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и не может применяться к отдельным категориям лиц.

Административный арест относительно лишения права управления транспортными средствами является более строгим наказанием и назначается лишь в исключительных случаях, когда с учетом характера деяния и личности нарушителя применение иных видов наказания не обеспечит реализации задач административной ответственности (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

При выборе меры ответственности мировой судья не учел отсутствие обстоятельств, отягчающих административную ответственность, и наличие обстоятельства, смягчающего административную ответственность, и назначил А. более строгое наказание, предусмотренное частью 2 статьи 12.27 КоАП РФ, что признано необоснованным и несправедливым. Копия трудового договора, согласно которому А. принят на должность водителя, не являлась достаточным доказательством того, что лишение специального права (права управления транспортными средствами) отнимет у А. единственный источник заработка и существенно ухудшит материальное положение его семьи, поскольку согласно протоколу об административном правонарушении А. не работал, в своих объяснениях, данных сотруднику ДПС, собственноручно указал, что холост, является самозанятым.

Кроме того, согласно содержанию протеста заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в рамках производства по уголовному делу установлено, что указанный трудовой договор являлся фиктивным.

При рассмотрении дела судьей кассационного суда общей юрисдикции обоснованность назначения мировым судьей А. наказания в виде административного ареста должным образом не проверена.

Постановление № 49-АД25-31-К6

49. При совершении лицом нескольких административных правонарушений, выражающихся в нецелевом использовании

бюджетных средств (статья 15.14 КоАП РФ), выявленных в результате одной проверки исполнения бюджетного законодательства, административное наказание назначается по правилам части 5 статьи 4.4 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, директор муниципального казенного учреждения К. (далее – директор МКУ К.) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 15.14 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Статья 15.14 КоАП РФ устанавливает ответственность за нецелевое использование бюджетных средств.

При проведении проверки исполнения бюджетного законодательства установлено, что директором МКУ К. допущено направление бюджетных средств на цели, которые не соответствовали целям их получения.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения директора МКУ К. к административной ответственности, предусмотренной статьей 15.14 КоАП РФ.

Вместе с тем согласно части 5 статьи 4.4 КоАП РФ, если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II названного кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения.

В ходе производства по делу установлено, что директору МКУ К. вменено совершение трех административных правонарушений, предусмотренных статьей 15.14 КоАП РФ, выявленных по результатам проведения одного контрольного мероприятия, за совершение которых он привлечен к административной ответственности.

Данное обстоятельство применительно к положениям части 5 статьи 4.4 КоАП РФ судьей городского суда оставлено без правовой оценки.

Судьей кассационного суда допущенное судьей городского суда нарушение не устранено. Довод директора МКУ К., заявлявшего в жалобе о том, что в рассматриваемом случае административное наказание подлежало назначению с применением положений части 5 статьи 4.4 КоАП РФ, отклонен без надлежащей проверки.

При таких обстоятельствах решение судьи городского суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении директора МКУ К. по делу об административном

правонарушении, предусмотренном статьей 15.14 КоАП РФ, отменены, дело возвращено в городской суд на новое рассмотрение.

Постановление № 39-АД25-1-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

50. При определении норматива общей площади жилого помещения, используемого для размера субсидии на приобретение или строительство жилого помещения, не подлежит учету жилое помещение, ранее предоставленное военнослужащему в качестве члена семьи иных лиц, если истек срок, установленный частью 8 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Решением Пермского гарнизонного военного суда от 22 марта 2024 г., оставленным без изменения апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 3 сентября 2024 г., отказано в удовлетворении искового заявления Б., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии Пермского военного института (далее – военный институт) от 28 ноября 2023 г. в том числе в части уменьшения размера субсидии, предоставляемой для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия), в связи с исчислением ее размера с учетом ранее принадлежавшей ему доли в праве общей собственности на жилое помещение.

Кассационным определением кассационного военного суда от 21 января 2025 г. судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации принятые по делу судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Б. первый контракт о прохождении военной службы заключил в сентябре 1997 года, с июня 2017 года проходит военную службу в должности преподавателя в военном институте.

В 1987 году, до поступления на военную службу, Б. в качестве члена семьи своей матери был обеспечен органом местного самоуправления жилым помещением общей площадью 65,1 кв. м.

В декабре 1998 года названное жилое помещение передано бесплатно в порядке приватизации в общую собственность Б. и его матери.

30 июня 2014 г. Б. подарил матери принадлежавшую ему долю.

28 ноября 2023 г. решением жилищной комиссии военного института Б. с составом семьи из четырех человек (он, две дочери и сын) признан

нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания по избранному месту жительства с формой обеспечения в виде предоставления жилищной субсидии. Также ему уменьшен норматив общей площади жилого помещения при расчете размера жилищной субсидии на 32,55 кв. м в связи с тем, что ранее в порядке приватизации он был обеспечен за счет государства долей в праве общей собственности на жилое помещение в составе семьи своей матери.

Признавая оспариваемое решение жилищного органа законным и отказывая в удовлетворении искового заявления, суды исходили из того, что Б. распорядился по своему усмотрению долей в праве общей собственности на жилое помещение, предоставленное за счет публичного жилищного фонда, и утратил возможность возратить ее государству.

Данные выводы судов основаны на неправильном истолковании норм материального права и противоречат материалам дела.

В соответствии с абзацем тринадцатым пункта 1 статьи 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в редакции Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 416-ФЗ) военнослужащие-граждане, в том числе обеспеченные в качестве членов семей других военнослужащих или иных граждан жилыми помещениями либо денежными средствами на приобретение или строительство жилых помещений до поступления указанных военнослужащих-граждан на военную службу по контракту либо после заключения контракта о прохождении военной службы, признаются нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным статьей 51 ЖК РФ, в порядке, утверждаемом Правительством Российской Федерации, и обеспечиваются жилыми помещениями либо денежными средствами на приобретение или строительство жилых помещений в соответствии с указанным федеральным законом.

Согласно абзацу четырнадцатому пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (в редакции Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 416-ФЗ) при признании военнослужащих-граждан нуждающимися в жилых помещениях и предоставлении им и совместно проживающим с ними членам их семей жилых помещений либо денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений учитываются положения статьи 53 и части 8 статьи 57 ЖК РФ.

По смыслу закона, не может уменьшаться общая площадь жилого помещения при его предоставлении в отношении военнослужащих, которые ранее были обеспечены (в том числе по договору социального найма) жилыми помещениями за счет публичных жилых фондов или средствами на их приобретение в качестве членов семей других военнослужащих или иных граждан, независимо от последующей приватизации и (или) отчуждения жилого помещения, если они отвечают критериям нуждаемости по основаниям, предусмотренным статьей 51 ЖК РФ, при условии истечения срока, установленного статьей 53 ЖК РФ.

Как следствие, при определении норматива общей площади жилого помещения для расчета размера жилищной субсидии не подлежит учету жилое помещение, ранее предоставленное военнослужащему в качестве члена семьи иных лиц, право на которое им утрачено, если истек срок, установленный частью 8 статьи 57 ЖК РФ, пунктом 4 Правил расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим – гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76.

Определение № 223-КАД25-7-К10

51. При определении общей продолжительности военной службы следует учитывать положения части 3 статьи 44 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Решением Пензенского гарнизонного военного суда от 17 ноября 2023 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления П. о признании незаконными действий должностных лиц Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Пензенской области (далее – Управление), связанных с исчислением общей продолжительности его военной службы.

Апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 12 марта 2024 г. решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении требований административного истца о возложении на должностных лиц Управления обязанности по зачету в общую продолжительность военной службы П. периодов его службы в органах внутренних дел и Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия) на должностях, подлежащих замещению сотрудниками полиции.

Кассационным определением кассационного военного суда от 24 октября 2024 г. апелляционное определение окружного военного суда отменено и оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение кассационного военного суда и оставила в силе апелляционное определение окружного военного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что П. с 13 июня 2001 г. по 18 июня 2003 г. проходил военную службу по призыву в Вооруженных Силах Российской Федерации, с 12 марта 2004 г. по 29 сентября 2016 г. служил в Управлении МВД России по Пензенской области, а с 30 сентября 2016 г. был переведен в Росгвардию на должность командира оперативного взвода с присвоением очередного специального звания «старший лейтенант полиции».

15 декабря 2017 г. П. уволен со службы в связи с переводом на государственную службу иного вида и со следующего дня на основании приказа Росгвардии от 25 декабря 2017 г. принят на военную службу по контракту с присвоением воинского звания «старший лейтенант».

В выданной по просьбе П. справке от 18 сентября 2023 г. начальником отдела кадров Управления указано, что общая продолжительность его военной службы (службы), стаж работы в календарном исчислении составляет 21 год 6 месяцев 10 дней, в том числе общая продолжительность военной службы в календарном исчислении составляет 7 лет 9 месяцев 7 дней, в льготном исчислении – 10 лет 7 месяцев 23 дня; служба в органах внутренних дел и Росгвардии в календарном исчислении составляет 13 лет 9 месяцев 3 дня, в льготном исчислении – 21 год 6 месяцев.

Командованием Управления отказано в удовлетворении рапорта административного истца от 20 сентября 2023 г., в котором он просил засчитать стаж его службы (выслугу лет) в органах внутренних дел и Росгвардии в общую продолжительность военной службы, в том числе в льготном исчислении.

Отказывая в удовлетворении административного иска, суд первой инстанции исходил из того, что П. поступил на военную службу не в порядке перевода на государственную службу иного вида, а из запаса, поэтому не относился к числу лиц, на которых распространялось действие положений статьи 44 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 227-ФЗ) в редакции, действовавшей на дату поступления П. на военную службу.

Отменяя решение гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции указал, что имеющаяся в приказе от 25 декабря 2017 г. формулировка «рядовой запаса» не свидетельствует о поступлении П. на военную службу из запаса, поскольку в этом же приказе в качестве основания поступления на военную службу указан в том числе абзац шестой пункта 1 статьи 34 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в редакции, действовавшей с 8 декабря 2017 г.), который устанавливал право заключения контракта

о прохождении военной службы гражданами мужского пола, не пребывающими в запасе и получившими высшее образование.

В связи с этим окружным военным судом сделан вывод о том, что П. поступил на военную службу в Управление в порядке перевода, поэтому стаж его службы в органах внутренних дел и Росгвардии подлежал зачету в общую продолжительность военной службы.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, кассационный военный суд со ссылкой на положения законодательства, регламентирующие порядок прохождения военной службы и исчисления выслуги лет, указал, что в выданной П. справке от 18 сентября 2023 г. содержалась исчерпывающая информация о периодах прохождения административным истцом военной службы, службы в органах внутренних дел и Росгвардии, а также сведения об общей продолжительности его военной службы, в связи с чем его права не нарушены.

Однако выводы судов первой и кассационной инстанций основаны на неправильном применении норм материального права.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (далее – Указ) образована Росгвардия.

В соответствии с пунктом 4 Указа в структуру Росгвардии включены в том числе отряды мобильные особого назначения территориальных органов МВД РФ.

Исходя из части 1 статьи 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в войсках национальной гвардии предусматриваются следующие виды государственной службы:

- военная служба;
- служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации;
- государственная гражданская служба.

В силу части 3 статьи 44 Федерального закона № 227-ФЗ (в редакции Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ, действовавшей в период поступления административного истца на военную службу) лица, имеющие специальные звания, переведенные в Росгвардию из органов внутренних дел, могут быть приняты на военную службу в войска национальной гвардии Российской Федерации и с ними может быть заключен контракт о прохождении военной службы при условии, что эти лица соответствуют требованиям, предъявляемым к гражданам, поступающим на военную службу по контракту.

Лицам, указанным в части 3 статьи 44 Федерального закона № 227-ФЗ (в редакции Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ), выслуга лет в органах внутренних дел засчитывалась в выслугу лет для назначения пенсии, выплаты денежного довольствия и предоставления иных мер социальной поддержки (пункт 3 части 4 этой же статьи).

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 28 июня 2022 г. № 1543-О, Федеральным законом от 6 июня 2019 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в статью 44 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» приведенное законоположение было скорректировано – и на сегодняшний день лицам, имеющим специальные звания, переведенным в войска национальной гвардии из органов внутренних дел, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии и имеющим специальные звания полиции, которые подлежат переводу на военную службу в подразделения войск национальной гвардии в соответствии с решением Президента Российской Федерации, при назначении на воинские должности стаж службы (выслуга лет), в том числе в льготном исчислении, исчисленный в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, засчитывается в период службы (выслугу лет, общую продолжительность военной службы) в полном объеме и пересчету не подлежит.

Аналогичная позиция отражена в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 2648-О, в котором указано, что правовое регулирование, установленное пунктом 3 части 4 статьи 44 Федерального закона № 227-ФЗ, как в первоначальной ее редакции, так и в ныне действующей, предполагающей более точный учет продолжительности разных видов службы, направлено на обеспечение преемственности в формировании социальных прав указанных лиц и сохранение уровня их социальной защиты.

Анализ приведенных законоположений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации позволяет прийти к выводу о возможности применения к спорным правоотношениям по данному административному делу положений пункта 3 части 4 статьи 44 Федерального закона № 227-ФЗ (в редакции Федерального закона от 5 декабря 2017 г. № 391-ФЗ).

П., переведенный из органов внутренних дел в подразделение Управления, имея специальное звание «старший лейтенант полиции», 15 декабря 2017 г. уволен в отставку в связи с переводом на государственную службу иного вида, а на следующий день поступил на военную службу по контракту в подразделение Управления и ему присвоено воинское звание «старший лейтенант».

Под переводом понимается совокупность юридических и фактических действий, в результате которых бывший сотрудник продолжает проходить государственную службу, но только иного вида, то есть его служебная деятельность не прекращается.

Из изложенного следует, что вывод суда апелляционной инстанции о том, что П. поступил на военную службу в порядке перевода и исчисленный ему за время службы как в органах внутренних дел, так и в Росгвардии стаж службы (выслуга лет) подлежит зачету в общую продолжительность его военной службы, является правильным.

Определение № 223-КАД25-9-К10

52. Отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения указания на отягчающее наказание обстоятельство не препятствует суду признать наличие такового при его установлении в ходе судебного разбирательства, если содержание обвинения разъяснено обвиняемому и он в полной мере был готов к защите от него.

По приговору Центрального окружного военного суда от 27 февраля 2024 г. Ш. осужден по части 2 статьи 205² УК РФ к лишению свободы на срок 2 года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и каналов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», на срок 2 года.

Апелляционным определением апелляционного военного суда от 17 октября 2024 г. по апелляционному представлению государственного обвинителя приговор в отношении Ш. изменен, признано отягчающим наказание обстоятельством совершение преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды (пункт «е» части 1 статьи 63 УК РФ).

Из приговора исключено указание о применении части 1 статьи 62 УК РФ, назначенное Ш. наказание усилено до 5 лет лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и каналов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», на срок 2 года.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, судебные решения оставила без изменения по следующим основаниям.

Ш. осужден за публичное оправдание терроризма, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Как следует из заключений экспертов, соответствующих результатам оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, в размещенном Ш. в сети «Интернет» текстовом сообщении содержится информация, которая с лингвистической точки зрения оценивается как направленная на оправдание террористической деятельности по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды.

В постановлении о привлечении Ш. в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении при изложении существа предъявленного

обвинения и обстоятельств, имеющих значение для данного уголовного дела, указано на совершение инкриминируемого ему деяния по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды.

Предъявленное обвинение, содержание которого составило названное обстоятельство, надлежащим образом разъяснено Ш., и он в полной мере был готов к защите от него.

При этом совершение преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды не указано в статье 205² УК РФ в качестве признака преступления, в связи с чем исходя из положений части 2 статьи 63 УК РФ препятствий для признания данного обстоятельства в качестве отягчающего наказание, о чем в судебном заседании суда первой инстанции просил государственный обвинитель, не имелось.

Отсутствие в соответствующем разделе обвинительного заключения указания на такое отягчающее наказание Ш. обстоятельство, как совершение преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды, также не препятствовало суду признать наличие такового при установлении его в ходе судебного разбирательства, поскольку в силу части 1 статьи 299 УПК РФ лишь суд при постановлении обвинительного приговора по уголовному делу разрешает в том числе вопросы о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Окончательно вопрос о наличии таких обстоятельств, которые учитываются при назначении наказания, разрешается судом при постановлении приговора, о чем дается указание в его описательно-мотивировочной части (пункт 3 статьи 307 УПК РФ).

При рассмотрении уголовного дела апелляционный военный суд в соответствии с требованиями части 1 статьи 389²⁴ УПК РФ по доводам представления государственного обвинителя обоснованно признал отягчающим наказание обстоятельством совершение Ш. преступления по мотивам политической и идеологической ненависти и вражды, исключил из приговора указание о применении части 1 статьи 62 УК РФ и усилил наказание осужденному, приняв во внимание характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Определение № 223-УД25-21-А6

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС. Подлежит ли приостановлению государственная регистрация перехода права собственности с последующим отказом в совершении регистрационных действий в случае отсутствия нотариального удостоверения договора дарения доли в праве общей собственности на недвижимое имущество при отчуждении

собственниками своих долей по одной сделке, а также в случае, когда один из участников долевой собственности становится единственным собственником объекта недвижимости?

ОТВЕТ. Требования к форме сделки и последствия ее несоблюдения предусмотрены статьями 158–163 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Согласно пункту 1 статьи 163 ГК РФ нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности. Нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, указанных в законе (подпункт 1 пункта 2 статьи 163 ГК РФ).

Пункт 3 статьи 574 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ) предусматривает, что договор дарения недвижимого имущества, заключенный между гражданами, подлежит нотариальному удостоверению. При этом закон не делает исключения из общего правила о нотариальном удостоверении договора дарения в отношении доли в праве общей собственности на недвижимое имущество.

Часть 1¹ статьи 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (введена Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 120-ФЗ) (далее – Закон о государственной регистрации) определяет, что сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество подлежат нотариальному удостоверению, за исключением, в частности, сделок при отчуждении или ипотеке всеми участниками долевой собственности своих долей по одной сделке (пункт 1 части 1¹ этой же статьи).

В силу пункта 2 статьи 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать названному кодексу.

С учетом того, что требования к форме и содержанию договора дарения недвижимого имущества, заключенного между гражданами, определяются статьей 574 ГК РФ, положения иных законов, содержащих аналогичное регулирование, должны ей соответствовать.

Если нотариальное удостоверение сделки является обязательным, несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность (пункт 3 статьи 163 ГК РФ).

Поэтому в случае отсутствия нотариального удостоверения договора дарения доли в праве общей собственности на объект недвижимости при отчуждении всеми участниками долевой собственности своих долей по одной сделке, а также в случае, когда в результате сделки один из участников долевой собственности становится единственным собственником объекта недвижимости государственная регистрация перехода права собственности

приостанавливается с последующим отказом в совершении регистрационных действий (пункт 13 части 1 статьи 26, часть 1 статьи 27 Закона о государственной регистрации).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

1. Из Обзора судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025 г.), исключается пример № 24.

2. Из Обзора судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г., исключаются:

а) пример № 10 (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 46-УД23-27);

б) пример № 11 (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 31-УД22-1-К6);

в) слова «Аналогичная правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой направленные на сбыт наркотических средств нескольким потенциальным приобретателям действия, которые выражались в расфасовке наркотических средств и размещении их в разных тайниках-закладках, следует рассматривать применительно к каждой закладке как отдельное преступление с самостоятельным конкретизированным умыслом, а в целом такие действия – как совокупность преступлений, предусмотренных статьей 228¹ УК РФ, содержится в кассационных определениях № 38-УД22-2-К1, № 38-УД23-7-А1, № 48-УД22-7 и др.»).